

П. А. ЧИХАЧЕВ

ПИСЬМА О ТУРЦИИ

ИЗЛ

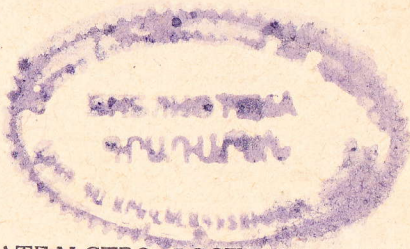
001
4-71

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

П. А. ЧИХАЧЕВ

Письма о Турции

45 5306

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1960

Перевод с французского и предисловие
В. В. ЦЫБУЛЬСКОГО

Ответственный редактор
А. С. ТВЕРИТИНОВА

Книга содержит 15 писем известного русского ученого XIX в. П. А. Чихачева, путешествовавшего по Малой Азии с 10 мая по 9 сентября 1858 г. Автор описывает быт, нравы и обычаи народов Малой Азии, рассказывает об экономике, государственном и социальном строе Турции. Заметки П. А. Чихачева, написанные живо и интересно, на русском языке издаются впервые.

Şu kitapta 1858 senesinin 10 mayısından 9 eylülüne kadar Küçük Asyayı dolaşmış meşhur rus bilgini Petr Çihaçov'un 15 mektubu haizdir. Şu mektuplarda müellifin geçen asır Türkiyesine ait yolculuk notları, Küçük Asya halklarının yaşayış hayat tarzı, adet ve yelenekleri yer almıştır.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Один из великих русских натуралистов, Петр Александрович Чихачев, принадлежит к тем гигантам, которые навсегда останутся в истории науки.

Акад. П. М. Жуковский

Предлагаемые читателю «Письма о Турции» принадлежат перу замечательного русского ученого, географа и геолога Петра Александровича Чихачева¹.

П. А. Чихачев (1808—1890) снискал мировую известность своими многочисленными научными путешествиями по Европе, Азии и Африке, оригинальными трудами по различным отраслям естественных наук, а также экономике, философии, археологии, этнографии и истории. Материалист по убеждению, разносторонне образованный, знавший восточные языки, ученый и путешественник, Чихачев сделал значительный вклад в золотой фонд русской и мировой науки.

Признание заслуг Чихачева перед наукой нашло свое выражение, в частности, в избрании его членом многих зарубежных академий и географических обществ, в том числе Парижской, Берлинской, Филадельфийской, Венской, Лондонского королевского географического общества, а также почетным членом Российской Академии наук, Русского географического и минералогического обществ.

¹ С биографией П. А. Чихачева можно ознакомиться в работе В. В. Цыбульского «П. А. Чихачев — выдающийся исследователь Алтая», Кемерово, 1959.

Научно-исследовательская деятельность Чихачева началась с 1839 г. экспедицией в Италию и Южную Францию. С исключительной научной добросовестностью он изучает многочисленные виды ископаемых Неаполитанского королевства и района Ниццы, сопоставляет их с идентичными видами других стран. Сопоставляя окаменелости, Чихачев преследует цель раскрыть историю развития земной коры исследуемых районов, ибо палеонтология, как писал он, является краеугольным камнем истории нашей земли.

Таким образом, уже в то время Чихачев в основу исследовательской работы положил новый, палеонтологический метод.

В рассматриваемый период естественные науки значительно продвинулись вперед в своем развитии. Тем не менее они еще не освободились от влияния теологии. Вплоть до 50-х годов прошлого века большинство геологов, палеонтологов, ботаников и зоологов стояло на точке зрения библейской легенды о создании мира — креационизма, т. е. веры, что животные, растения, природа в целом были сотворены божеством. «Не забудем, — писал Энгельс, — что хотя прогресс науки совершенно расшатал это устарелое воззрение на природу, вся первая половина XIX века все еще находилась под его господством»².

Первые же научные работы, опубликованные Чихачевым в 1841—1842 гг., показали, что он является противником господствовавшей в геологии того времени идеалистической теории катастроф Кювье и Д'Орбиньи. Русский ученый убедительно показал несостоятельность этой теории. Он привел в своих публикациях многочисленные примеры, подтвердившие постепенный переход ископаемых из одного яруса в другой.

Первые печатные труды Чихачева о результатах экспедиции в Италию и Южную Францию до сих пор не утратили научного значения и представляют большой интерес для геологов, палеонтологов и ботаников.

Второе путешествие с научными целями Чихачев совершил в 1842 г. на Алтай и в Северо-Западный Китай. Здесь он сделал много ценных открытий.

Впервые подробно описал истоки таких крупных рек Алтая, как Абакан, Чуя и Чулышман, нанес на карту

² Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, М., 1950, стр. 9.

гидрографическую сеть рек и озер этого района и составил первую геологическую карту Русского Алтая.

Большая заслуга Чихачева состоит в открытии Кузнецкого угольного бассейна. На основе изучения разрозненных выходов угля он пришел к выводу о наличии его здесь в виде сплошных массивов, простирающихся на сотни километров. Им были определены размеры этих массивов и положены на геологическую карту под названием «Кузнецкого каменноугольного бассейна».

Наряду с исследованиями природы Чихачев уделил большое внимание изучению социально-политических и экономических проблем, культуры, быта и языков народов Алтая и Северо-Западного Китая.

Он показал, как отсталые кочевые племена Алтая осваивали с помощью русского народа земледелие, ремесла и переходили на оседлый образ жизни.

С особой силой Чихачев разоблачает политику гнета и насилия, проводившуюся английскими колонизаторами в Китае и Индии. «Политика Англии в Китае, — писал он, — строится на принципе, постоянно доминирующем у нее в отношениях с другими народами. Англия не желает считаться с интересами Китая... Значительная часть ее торговли падает на предмет чрезвычайно ненадежный, т. е. на торговлю опиумом, который сперва отравил Китай и в конце концов залил его кровью... Эта торговля основана на нравственном падении рода человеческого»³.

Касаясь бесчинств английских колонизаторов в Индии, Чихачев писал:

«Самое ухищренное дьявольское воображение тщетно старалось бы изобразить более возмутительную и ужасную картину, чем та, которая открылась перед нами... Все, что инквизиция или самые изобретательные палачи древности придумывали для продления мук в связи с приближающейся смертью, чтобы увеличить боль и prolongировать страдания в предсмертный час, будет недостаточно для изображения приемов, применяемых англичанами в Британской Индии при взимании налогов»⁴.

Путешествие Чихачева на Алтай и в другие районы Азии было одним из самых значительных в первой поло-

³ P. Tchihatcheff, *Voyage scientifique dans l'Altai Oriental*, Paris, 1845, p. 317.

⁴ «La Paix de Paris est-elle une paix solide?», Bruxelles, 1856, p. 16.

вине XIX в. Оно заслуженно получило всеобщее признание в русской и зарубежной научной литературе.

В 1848—1863 гг. он осуществил восемь экспедиций в Малую Азию, Армению, Курдистан и Восточную Фракию. Целью экспедиций было изучение геологического строения территории, климата, почв, растительного и животного мира, а также народов, населяющих этот район, их истории, культуры и быта.

Внимание ученого к широкому кругу вопросов объясняется тем, что, несмотря на многовековое исследование названного района, Малая Азия вплоть до экспедиций Чихачева была во многих отношениях не изучена.

«Малая Азия, — писал Чихачев, — это страна, которая служила то колыбелью, то кладбищем для народов, науки, искусства... Поэтому исследователи и занялись почти исключительно ее гробницами, которые действительно более великолепны, чем современные королевские жилища. Дивные создания человека заставили забыть о создании природы и игнорировать то, что наряду с красноречивыми развалинами прошлого здесь находятся памятники несравненно более грандиозные, имеющие свой язык и ждущие своих исследователей, чтобы заговорить этим языком»⁵.

Путешествуя в течение многих лет по этой стране, Чихачев не раз пересекал важнейшие горные массивы и хребты, всходил на вершины таких гор, как Эрджиясдаг и Бингёльдаг, где до него не ступала нога человека. Им было проделано 714 гипсометрических измерений гор, долин, озер и т. д. Он исследовал и описал многочисленные заливы, произвел замеры глубин Мраморного, Эгейского морей, а также проливов Босфор и Дарданеллы. Чихачев опубликовал интересные материалы о течениях воды в проливах и Мраморном море.

Сравнивая сведения по географии этой страны, оставленные историками и географами древних и средних веков, Чихачев установил важные в научном отношении изменения, происшедшие на полуострове в очертании берегов, направлении течения рек и в глубине вод. По раковинам одного и того же вида, встречающимся ныне в Черном море и в почве на значительной высоте над уровнем

⁵ P. Tchihatcheff, *Asie Mineure*, Paris, 1853, p. IV.

моря, он установил сравнительно недавнее тектоническое поднятие северных берегов Фракии и Малой Азии.

Особенно много сделано Чихачевым в области геологического и палеонтологического исследования Малой Азии. Авторы древности и средневековья оставили по этим вопросам незначительные сведения об этой стране. В эпоху, более близкую нам, Маконис, Оливье, Стрикленд, Гамильтон, Спратт, Эд. Форбс, Тексье и другие сделали ряд интересных, но разрозненных открытий. Подлинно научное геологическое и палеонтологическое исследование Малой Азии начинается с работ Чихачева. Как известно, многим палеонтологическим ископаемым, а также минералам, впервые обнаруженным и описанным Чихачевым, присвоено его имя.

Огромный научный интерес представляют работы Чихачева по изучению ботанических богатств Малой Азии (в его гербарии насчитывалось до 6500 видов растений Малой Азии). В середине прошлого века, когда русский ученый приступил к осуществлению этой задачи, в биологии господствовал метафизический, антинаучный взгляд на род и вид. Считалось, что видовые формы неизменны, один вид не происходит от другого. Чихачев, в противовес этим взглядам, считал вполне возможным и естественным «внезапный переход растений, так сказать, на глазах наблюдающего их из одного вида в другой». В 1860 г. он писал, что не бог, а природа и человек создают виды: «Изменение окружающей среды может и должно создавать новые виды путем изменения прежних»⁶.

Заслуживает исключительного внимания и то обстоятельство, что Чихачев выступил против ложного утверждения метафизиков о вечности и неизменности видовых форм. В отличие от эволюционистов, исходивших из признания только количественного изменения, он считал возможным зарождение нового, качественного состояния в недрах старого.

Другая особенность флоры Малой Азии, установленная им, состоит в резкой локализации некоторых ее видов. После его путешествия по Малой Азии исследования последней не приостановились. Из западноевропейских ботаников конца XIX—начала XX в. наиболее ценных результатов добились Кох, Кочи, Баланза, Филиппсон,

⁶ P. Tchihatcheff, *Asie Mineure. Botanique*, Paris, 1860, p. VI.

Нобелек и особенно Курт Краузе. Однако по количеству изученных видов диких и культурных растений никто из них не превзошел Чихачева. «До настоящего времени, — писал в 1927 г. акад. П. М. Жуковский, — наиболее полезные данные по флоре Малой Азии содержатся в капитальном труде П. А. Чихачева, опубликованном еще в 1860 г.»⁷.

Долгие годы пребывания Чихачева за границей, его близкое знакомство с философскими и социальными идеями Западной Европы, стран Азии и Африки вызвали в ученом большой интерес к вопросам экономики, государственного и политического устройства, быта и культуры многих стран и народов.

С 1850 до 1879 г. Чихачев написал несколько политических и историко-экономических работ⁸. Многие политические работы Чихачева свидетельствуют о том, что его глубоко волновала судьба русского народа. Как для всех передовых людей русского общества, проблемы исторического развития России имели для него первостепенное значение. Он мучительно переживал события Крымской кампании, падение Севастополя и гордился мужественной борьбой русского народа.

«Когда пал Севастополь после героической обороны, длившейся почти год, уступивший, наконец, натиску соединенных усилий флотов и армий врага, самых мощных держав мира, можно спросить: какая из ролей была более славной? Роль победителя или побежденного — защитника этой грандиозной морской крепости». Чихачев приводит в своей работе откровенное признание английского министра Дизраэли, сделанное в мае 1856 г. в палате общин: «Какой стыд!.. Россия одними своими силами насмеялась в течение почти года над объединенными армиями Франции, Англии, Сардинии и Турции»⁹.

С большой проницательностью Чихачев исследует социально-экономические причины, обусловившие поражение России в Крымской войне. В работе «Прочен ли Парижский мир?» он остро критикует деспотический режим Николая I в России, не считавшегося с интересами наро-

да. «Народ, — писал Чихачев, — в глазах Николая имеет чисто пассивное назначение. Он представлялся императору лишь соединением зубчатых колес механизма великой машины, которую призван пускать в движение только государь... Отсюда — инстинктивное отвращение к просвещению и к свободе личности. Самые великие открытия науки и прогресс цивилизации в его глазах блекли и исчезали... Военная сила, являясь основным объектом забот и симпатий императора, поглощала большую часть государственного бюджета... Система взяточничества и подкупа разрушала, как злокачественная опухоль, все звенья социального механизма страны»¹⁰.

Чихачев понимал, что в Крымской войне царская Россия обнаружила всю гнилость своего режима. Вместе с тем он считал, что война разбудила русского великана и вызвала к жизни новые силы. «Неоценимое значение этих двух катастроф (падение Севастополя и гибель Черноморского флота. — В. Ц.) заключается в том, что они разбудили погруженного в сон великана, показав, что для реального осуществления самых величественных замыслов у него имеется возможность воспользоваться оружием гораздо более эффективным и неотразимым, чем барьер из человеческих тел»¹¹.

Чихачев не раз обличал низкопоклонство и раболепие перед иностранцами. Он верил в способности русского народа и отмечал, что в России многие государственные должности заняты иностранцами, в то время как русские люди вполне могут заменить их. «Россия может пользоваться собственными способными должностными лицами, и если их не находят, то в этом виновата не страна, а правительство, которое не всегда умеет их ценить и использовать»¹², — писал Чихачев.

В работе «Прочен ли Парижский мир?» он приводит интересный материал об американской деятельности в Турции накануне и в период Крымской войны. «Все, кто внимательно изучал Восток практически, а не в библиотеках, — писал Чихачев, — поражаются, насколько активно развивается там деятельность американского управления Комиссий для иностранных миссий. В 1852 г. в 150 городах и селениях мусульманского государства имелось

⁷ П. М. Жуковский, *Экспедиция в Малую Азию*, — «Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции», т. XVII, М., 1927.

⁸ См. список работ Чихачева в конце книги.

⁹ Цит. по кн.: «La Paix de Paris est-elle une paix solide?», Bruxelles, 1856, p. 80.

¹⁰ Ibid., p. 74.

¹¹ P. Tchihatcheff, *Lettres sur la Turquie*, Bruxelles, 1859, p. 54.

¹² P. Tchihatcheff, *Italie et Turquie*, Paris, 1859, p. V.

по одному американскому миссионеру в каждом... Американская миссия, действующая среди армян Малой Азии, имеет более или менее крупные организации в Константинополе, Измире, Мерсине, Трабзоне, Антебе, Эрзуруме и т. д. и многочисленные филиалы в местностях, где находятся упомянутые города. В одном только маленьком городе Антебе с малочисленным населением миссионерам удалось построить церковь. Во всех районах Турции, где основались американские миссионеры, им помогают их жены, причем они отличаются очень большой активностью»¹³.

В 1861—1862 гг. Чихачев совершил новое путешествие по Италии. Оно отличалось от предыдущих тем, что на этот раз он исследовал не физико-географические, а экономико-географические и социально-экономические вопросы. Еще до начала путешествия Чихачев издал несколько работ, посвященных освободительному движению итальянского народа. В них он не только показал героическую борьбу народа за освобождение от австрийского ига, но и горячо поддержал ее. Крупнейшая заслуга Чихачева состоит также в том, что, когда повсюду общественное сознание с особой силой отравлялось мистико-религиозными проповедями, он с предельной ясностью понял, что папство — духовное оружие в руках реакционного господствующего класса, и с исключительной для того времени смелостью критиковал институт папства¹⁴.

В 1877—1878 гг. он совершил путешествие в Северную Африку. Этот район вызывал у него интерес еще до экспедиции в Малую Азию. Алжир, Тунис, Марокко и Египет Чихачев впервые посетил в 1835 г., затем он побывал здесь в 1846 г. Однако тогда «французский генерал-губернатор Алжира, — пишет Чихачев, — отказал мне в изучении этих мест, утверждая, что появление русского, носящего к тому же полувосточную одежду (я только что вернулся из Средней Азии) и разговаривающего с арабами запросто на их языке, весьма таинственно и подозрительно. Он упорно считал меня опасным агентом русской дипломатии». Результаты поездки в страны Северной Африки Чихачев опубликовал в большом труде¹⁵.

¹³ «La Paix de Paris est-elle une paix solide?», p. 50—51.

¹⁴ P. Tchihatcheff, *Italie et Turquie*, p. 29.

¹⁵ P. Tchihatcheff, *Espagne, Algérie et Tunisie*, Paris, 1880.

Поездкой в Африку в 1877—1878 гг. закончилась экспедиция неутомимого путешественника и изумительного исследователя.

В 80-х годах Чихачев опубликовал еще ряд работ. Большое внимание в них уделялось вопросам географии Африки.

В 1888 г. вышла в свет исключительно интересная работа Чихачева, посвященная проблемам нефти. Большие надежды он возлагал на ее запасы, имеющиеся, по его предположениям, в древних геологических пластах на обширных пространствах Туркмении и Поволжья. «В России местность, представляющая собой основной фонд нефтяной промышленности, отнюдь не единственная надежда на будущее. Внимание должно быть обращено на пустынные области, простирающиеся на восток от Каспия. Здесь огромные пространства, таящие значительные нефтяные богатства, которые ожидают приложения рук человека. Поэтому нельзя не признать огромного преимущества России над США, преимущества, которое в будущем обеспечит России блестящую победу над ее могущественной соперницей США. Эта победа будет прежде всего ощутима для народов Средней Азии, когда, как по волшебству, среди пустынь, ныне негостеприимных, возникнут новые железные дороги... Настанет день, когда придется прибегнуть к использованию нефти для обеспечения топливом многочисленных железнодорожных линий, которые пересекут во многих направлениях обширные просторы Центральной Азии»¹⁶.

Научное наследство Чихачева огромно. Так, всемирную известность получил восьмитомный труд «Asie Mineure», посвященный главным образом исследованию природы Малой Азии. Из историко-экономических работ большой интерес представляют «Le Bosphore et Constantinople avec perspectives des pays limitrophes», «Lettres sur la Turquie» («Письма о Турции»), которые были написаны по просьбе редактора французской газеты «Nord», где печатались с 10 мая по 9 сентября 1858 г. в период седьмой экспедиции Чихачева в Малую Азию. Письма эти с небольшими изменениями были затем переизданы в виде отдельной книги одновременно в Брюсселе и Париже в 1859 г.

¹⁶ P. Tchihatcheff, *Le pétrole aux Etats-Unis et en Russie*, — «Revue de deux Mondes», 10. X. 1888, p. 44.

В XIX в. усилилась экспансия колониальных держав в раздираемую внутренними противоречиями феодальную Турцию. Нависла реальная угроза полного распада Османской империи.

Правящие круги Турции, желая смягчить внутренние противоречия, ввели в стране «новую систему», ликвидировали войско янычар, упразднили военно-ленную систему и т. д.

Эти и другие меры, известные в истории Османской империи под названием «танзимата» (реформы 1826—1858 гг.), по замыслу султанских властей, должны были путем незначительных уступок требованиям покоренных турками народов и нарождавшейся буржуазии обеспечить незыблемость существующего общественного строя и целостность империи.

В «Письмах» Чихачев показывает, как практически осуществлялись эти реформы в крупных городах и в отдаленных районах страны, куда в те времена редко удавалось проникнуть исследователю.

Много места отводится в «Письмах» истории, культуре и быту курдов — одному из древнейших народов Юго-Западной Азии. Рисуя яркие картины из жизни курдов, показывая их взаимоотношения с турками и другими народами страны, Чихачев не замечает, однако, классовых различий в курдском народе. Феодально-племенная знать курдов, организовывавшая набеги на армян и греков, отождествляется им со всем курдским населением. Вместе с тем он совершенно справедливо отмечает, что, несмотря на значительное скопление и численное превосходство турецких войск в районах, подверженных постоянным набегам курдов, турецкие власти не только не препятствуют этому, а, наоборот, всячески потворствуют им, используя национальную и религиозную рознь в своих военно-политических целях.

Нельзя согласиться с выводами, сделанными Чихачевым и в ряде других случаев, в частности, по вопросу политики европейских держав и религии. Поддерживая освободительные стремления христианского населения Османской империи, Чихачев, как и многие другие его современники, не понимал классовых корней этой борьбы, ошибочно полагая, что главной причиной ее являются несовместимые «незыблемые основы христианской и мусульманской религий».

Несмотря на эти недостатки, «Письма» представляют большой интерес для всех тех, кто изучает Турцию XIX в. В них Чихачев подробно освещает деятельность различных учреждений Османской империи, состояние ее финансов, размеры государственного долга, налоговую систему, внимание ашара и многие другие вопросы.

Книга «Письма о Турции» получила высокую оценку русской и зарубежной печати. Известный французский литератор акад. Сен-Мар-Жирарден в журнале «Des Débats» в 1859 г. писал:

«Я читал много книг о Востоке и особенно о Турции. Но не знаю ни одной, которая увлекла и научила бы меня больше, нежели „Письма о Турции“ г-на Чихачева. Он истинно европейский ученый первого разряда, а его путешествие по Малой Азии считается выдающимся явлением в науке.

Однако понятно, что не мне судить с этой стороны г-на Чихачева: я люблю в нем путешественника и наблюдателя и предоставляю право моим ученым коллегам по Академии наук хвалить его как русского ученого.

Особенно нравятся мне в „Письмах“ г-на Чихачева два качества. Во-первых, автор больше всего любит правду. Во-вторых, у него есть свое научное лицо, свой характер и собственный ум»¹⁷.

Исследования Чихачевым Малой Азии получили высокую оценку и в наши дни. Так, проф. Оксфордского университета Джон Бейкер в работе «История географических открытий и исследований» (Лондон, 1945) особое место отводит исследованиям Чихачева, которые могут поспорить с трудами немецкого ученого Г. Киперта, систематически работавшего над изучением Малой Азии с 1841 по 1889 г.¹⁸

Трудно переоценить работу по исследованию Малой Азии, сделанную этим выдающимся русским географом и бесстрашным путешественником. Можно с гордостью за русского ученого сказать, что во всей истории исследования Малой Азии, с глубокой древности до наших дней, не найти географа, который так последовательно и всесторонне исследовал и описал природу этой страны и социальный строй народов Турции XIX в. Значи-

¹⁷ «Des Débats», Paris, 1859.

¹⁸ I. N. L. Baker, *A history of geographical discovery and exploration*, London, 1945, p. 293.

тельная часть работ Чихачева в отношении Малой Азии, несмотря на столетнюю давность, не утратила своего значения и в наши дни.

Жизненный путь самобытного русского ученого Чихачева, окончившийся в 1890 г. на 82-м году жизни, — замечательный пример беззаветного служения науке. Всю свою творческую жизнь, полную лишений и трудностей, этот неутомимый путешественник и ревностный исследователь отдал науке.

Сила его научных трудов состоит в том, что они прокинуты идеями широкого комплексного познания природы, основанного на жизненной правдивости. О Чихачеве можно сказать, что он принадлежит к тем ученым, которые, обобщая огромный фактический материал и вскрывая законы реальной действительности, могли заглядывать в будущее.

Передовые люди России высоко ценили заслуги Чихачева перед наукой. С чувством гордости за своего соотечественника следили за его научной деятельностью русские революционные демократы. В частности, Н. Г. Чернышевский справедливо отнес его к людям, «...трудами которых столь значительно распространены наши географические и этнографические сведения»¹⁹.

«Письма о Турции» Чихачева на русском языке выходят впервые. Перевод осуществлен по изданию «Auguste Schnee» (Bruxelles, 1859). Без оговорок сделаны лишь незначительные поправки, относящиеся главным образом к устаревшим положениям, к исправлению случайных опечаток, восточных имен и названий. Перевод снабжен нами географическим и именованным указателем, списком опубликованных работ Чихачева о Турции.

¹⁹ Н. Г. Чернышевский, Собр. соч., т. III, М., 1947, стр. 589.

В. В. Цыбульский

Письмо первое

Гиресун (западнее Трабзона),
20 июня 1858 г.

Сударь,

прошу Вас верить, что если я в течение трех месяцев после отъезда из Парижа еще не выполнил обещания писать Вам время от времени о ходе экспедиции, то произошло это исключительно из-за отсутствия возможности оторваться хотя бы на одну минуту от трудов, которые поглощают все мое время. Они оставляют мне лишь несколько часов на отдых после утомительной работы и различных лишений. К этому следует добавить, что более двух месяцев, проведенных мною почти всегда в седле или в палатке, я находился в районах, не имеющих регулярной связи с Константинополем.

Первая задача, которую я поставил перед собой в нынешнем году, состояла в ознакомлении с областями Понта¹, не охваченными моими предыдущими экспедициями. Эти районы фигурируют как белые пятна на всех картах Малой Азии, в том числе и на моей, хотя она гораздо совершеннее, чем другие карты этого полуострова. Я придавал большое значение устранению этих пробелов еще до поездки в глубь Армении не только по причинам научного характера. Районы, о которых идет речь, рас-

¹ Понт — древняя область в северной части Малой Азии. Понт Эвксинский — название Черного моря в древности (букв. — гостеприимное море). — Прим. перев.

положены как раз близ той местности, по которой одна английская компания предполагает проложить большую железнодорожную линию и соединить города Самсун, Амасью и Сивас². Этот грандиозный проект имеет колоссальное торговое и политическое значение, о нем я намерен сообщить Вам позднее кое-какие интересные сведения. Между тем понтийские районы, изучение которых должно было служить точкой отправления для моей экспедиции, начинаются почти у самых ворот города Самсуна. Местность, находящаяся, с одной стороны, между линией, идущей от этого города на Амасью и Токат, а с другой — между рекой Ирис³, как раз и является частью этой terra incognita.

Итак, сев на пароход в Константинополе, я направился в Самсун, где ненастье задержало меня дней на десять. Я воспользовался этим временем для того, чтобы подобрать крепких местных лошадей, которые могли бы выдерживать тяжелые испытания, связанные с нашей работой. Из Самсуна я выехал в конце мая и извездил во всех направлениях упомянутый выше район древнего Понта. Весь он — от Самсуна до Никсара (небольшой городок, построенный на почти исчезнувших развалинах древней Нео-Кесарии) — представляет собой весьма гористую местность, покрытую великолепными лесами. Эти леса стоят нетронутыми века. Они прошли в своем развитии все периоды существования растительного мира, представленные сами себе в отношении борьбы со стихийными явлениями в природе.

От Никсара я поднялся по р. Ирис, проехал по области, получившей в древности название «Полемониакус», до города Шабхане-Карахисар⁴, примечательного находящимися в его окрестностях кварцевыми рудниками. Эксплуатация этого полезного минерала передана нескольким

² В середине XIX в. английские капиталисты хотели на кабальных условиях для Турции получить концессию на строительство железной дороги Самсун — Сивас, но в результате конкуренции других стран, стремившихся также проникнуть в Турцию, осуществить этот проект не удалось.

Действующая в настоящее время железная дорога Самсун—Сивас построена турецким правительством в основном в республиканский период. — Прим. перев.

³ Ирис — древнее название реки Ешиль-ырмак. — Прим. перев.

⁴ Ныне Шебин-Карахисар. — Прим. перев.

бедным армянам за весьма скромную сумму, выплачиваемую правительству. Отсутствие технических знаний, варварские способы добычи, которые показались бы нашим европейским горнякам невероятными, не мешают им все же добывать прекрасные кварцы, сбыт которых обеспечивает прибыль в 30—40%.

Я исследовал с геологической точки зрения горы, где находятся рудники. Их не больше четырех. Но я убежден, что количество рудников могло бы быть увеличено в сто раз, так как обилие залежей минерала и легкость его добычи позволяют это сделать. Почти повсюду минерал, располагаясь гнездами или небольшими скоплениями, выходит на поверхность. Его можно свободно добывать, не прибегая к подземным работам. Можно сказать без преувеличения, что если бы за добычу кварцев взялась европейская компания (дело это легко осуществимо, так как турецкое правительство охотно передаст концессию тому, кто дороже заплатит, ибо сейчас она приносит весьма небольшой доход), то район Шабхане-Карахисар мог бы снабжать всю Европу прекрасными кварцами на условиях, в равной степени выгодных как поставщикам, так и потребителям.

Но кончим говорить об этих научных подробностях. Я хочу побеседовать с Вами лишь как турист, а не участвовать в скучные научные дискуссии, хотя бы и многое сказать как о минеральных богатствах района Шабхане-Карахисара, так и о ресурсах других районов, через которые проехал по пути от самого Самсуна. Все они хранят неисчерпаемые богатства, совершенно неиспользованные до сих пор человеком!

Впрочем мне следует кончить писать это письмо, так как пароход, только что прибывший из Трабзона, сейчас же отплывает в Константинополь. Это один из тех благоприятных и редких для меня случаев, когда я могу поговорить с Европой, ибо, покинув Гиресун, я не увижу морского побережья до возвращения в Самсун, т. е. не ранее чем через три месяца. Тогда я вновь смогу любоваться дымками судов почти всех великих держав Европы! Должен сказать, что одинокий путник, обреченный на пребывание в диких внутренних районах страны, с некоторым волнением бросает прощальный взгляд на этих величественных представителей нашей европейской цивилизации! С волнением смотрит он на этот подвижной пояс

вокруг Малой Азии, который опирается главным образом на ее северное побережье! Совсем недавно пароходные линии получили здесь значительное развитие. Но об этом расскажу Вам позднее и лишь после возвращения в Самсун, так как, прежде чем изложить соображения общего характера, могущие возникнуть в результате многочисленных и длительных экскурсий, которые намереваюсь предпринять в этом городе, я рассчитываю сообщить Вам несколько слов об интересных и почти совсем неисследованных областях, где мне уже удалось побывать.

По всей вероятности, мне придется остаться еще на несколько дней в Гиресуне. Лошади мои истощены. Необходимо как-нибудь восполнить ущерб, причиненный чрезвычайно тяжелым переходом, совершенным мною только что по районам между Шабхане-Карахисаром и Гиресуном. Оттуда Вы получите мое следующее письмо. В нем, равно как в данном и в последующих посланиях, Вам следует ожидать изложение лишь мимолетных впечатлений, написанных по памяти, порой небрежно, в седле, вместо стола, и под небом, вместо крыши.

Письмо второе

Гиресун, 1 июля.

Ввиду того что мне пришлось продлить свое пребывание в Гиресуне, откуда мною послано Вам предыдущее письмо, я пользуюсь случаем, чтобы несколько пополнить те немногие сведения о моих исследованиях Понта, которые успел уже Вам сообщить. После изучения районов, расположенных между Самсуном и Шабхане-Карахисаром, мне остается рассказать Вам о нашей экспедиции по обширной местности, находящейся между этим городом и побережьем. Прежде всего должен Вам напомнить, что если в конце моего предыдущего путешествия Вы могли с грехом пополам следить за мной по карте Малой Азии, то теперь не сможете ею воспользоваться для мест, о которых я буду Вам рассказывать сегодня и в дальнейшем. Чтобы Вам было удобнее ориентироваться в тех районах, в которых Вы будете сопровождать меня, не покидая своего кресла, Вам следует обратиться к карте Малой

Азии и Армении, составленной Кипертом, — самой лучшей из карт, существующих в настоящее время для районов, находящихся к востоку от меридиана Шабхане-Карахисар. Именно по ней я мог довольно точно установить объем наших познаний об этих областях, так как все имеющиеся на ней белые пятна следует считать terra incognita. Эти места на карте (весьма многочисленные) я и решил ликвидировать, избегая, насколько возможно, повторения путей, по которым шел кто-либо из моих предшественников. Среди пробелов на карте имеется значительная местность в районе между Шабхане-Карахисаром и понтийским побережьем на площади не менее чем 200 км с севера на юг и 400 км с востока на запад. На этой местности географы древности поместили высокую горную цепь под названием Париадрес. Но эта цепь со своим древним наименованием помещена на карте произвольно в северной оконечности большого белого пятна, которым на карте Киперта как раз и представлена эта загадочная часть Понта. Мне пришлось затратить девять дней, чтобы переправиться через нее. Таким образом, я убедился, что она представляет собой лишь огромный и непрерывный массив крутых Альп, начинающийся примерно в 10 км к северу от Шабхане-Карахисара и простирающийся, постепенно понижаясь, до побережья. Кульминационный пункт этого громадного лабиринта находится примерно в 50 км к северу от Шабхане-Карахисара, являясь, по-видимому, частью горного массива, который называли в далеком прошлом Париадресом. Горный же хребет, помеченный этим названием на карте Киперта, является лишь северным склоном большого центрального массива. Мне кажется, нет другой страны, которую было бы столь трудно проехать на вьючных лошадях, даже восточной породы, которые могут подниматься и опускаться по каменистым, почти вертикальным склонам, покачиваясь под тяжестью груза на узких тропинках, вьющихся по краю бездны. В довершение ко всему в этом обширном районе очень мало деревень. В их уродливых халупах, построенных из плотно сложенных булыжников и покрытых вместо крыши слоями тины или ветками, трудно что-нибудь достать. Отсутствие пшеницы и даже ржи, которые заменяются только маисом, — наименьшее неудобство обитателей жалких лачуг. Гораздо существеннее то, что отсутствуют ячмень и трава для лошадей, поскольку

там, в горах, они не произрастают. Однако из всех лишений, неизбежно связанных с такого рода экспедициями, к которым я настолько привык за десять лет, что почти их не замечаю, самое ощутимое и невыносимое — это отсутствие возможности восстановить силы истощенных, благородных и смелых животных, обеспечивающих благополучие путника.

Надо изъездить весь Восток в течение долгих лет и не в качестве туриста, а человека, полностью усвоившего нравы и обычаи этого мира, столь отличного от нашего, чтобы вполне постигнуть ту симпатию и нежность, которые возникают у путника к коню, на спине которого помещается как он сам, так и его походный дом! Вся усталость и заботы путника рассеиваются, как только он услышит на привале радостное ржание своих верных друзей, приветствующих принесенный им скудный ужин. Когда путник почувствует, что его кони довольны и сыты, только тогда он сможет подумать о собственном отдыхе. Лучшим вознаграждением за страдания, вызванные походным образом жизни, служит торжественная минута наступившего вечера. Припоминая преодоленные им трудности, путник садится у входа в палатку и любуется серебристым светом луны, озаряющим живописные тени вокруг походного жилища. Природа погружена в глубокий покой и молчание, прерываемое лишь журчанием соседнего ручейка, пронзительным воем шакалов да хрустом травы на зубах расседланных и освобожденных от поклажи лошадей. Такие простые и будничные сцены домашнего очага обновляют нашего путника и возвращают бодрость его душе и телу, столь необходимую для тяжелых трудов грядущего дня. Насколько пошлыми, жалкими и наивными кажутся в такие минуты все искусственные увеселения, в которых люди, пресыщенные западной цивилизацией, ищут забвения в своих тюрьмах из искусственного и настоящего мрамора. Много ли среди них таких, которые могли бы сказать в конце любого беспокойного и бесплодного дня: вот наконец настал час, который вознаградит меня за тяжелые заботы и разочарования и полностью восстановит силы для преодоления трудностей, ожидающих меня завтра?

Такие мысли приходили мне особенно часто в голову в результате неожиданных затруднений, с которыми мне приходилось бороться, проезжая по этим негостеприимным

краям. Я легко впал бы в уныние и испытывал отвращение ко всему на свете, если бы не живительная сила, порождаемая независимой и облагораживающей деятельностью. Впрочем, не подумайте, что, кроме тех преимуществ, которые таит в себе кочевое существование путника на Востоке, эти места не доставили мне наслаждений иного порядка. Прежде всего упомяну научное исследование природы. Эти суровые места, лишенные всего, что может представлять интерес для простого туриста, места, где даже в полдень я не снимаю зимней одежды, приносят естествоиспытателю столь богатую жатву, что одиннадцати лошадей моего небольшого каравана едва хватает для перевозки собранного груза, представляющего научный интерес.

С гористой местности я спустился на побережье, чтобы отдохнуть несколько дней в Гиресуне, древнем Segasus, который, согласно утверждениям авторов древности, дал свое имя одному из наиболее распространенных фруктовых деревьев — вишне (*le cerisier*). Утверждают, что римляне перевезли его отсюда в Рим, сохранив за ним название его родного города. Хотя не все ботаники согласны с таким утверждением, чрезвычайно распространенные этого дерева и большая роль, которую оно играет во всем районе, соседнем с Гиресуном, как будто подтверждают мнение древних авторов. В самом деле, спускаясь с высоких гор, постепенно понижающихся к побережью, видишь, как увеличивается число вишневых деревьев и как они становятся самыми необходимыми для существования бедных жителей. В летние месяцы эти люди питаются вишнями, а также хлебом, испеченным из маиса, причем вишни здесь стали действительно всеобщим достоянием: любой прохожий имеет право рвать их сколько угодно. В настоящее время у меня нет необходимости питаться хлебом из маиса и вишнями. Живу я в великолепном доме богатого купца-грека, человека в высшей степени гостеприимного. Он всячески старается, чтобы я забыл о моих лишениях, предоставляя в мое распоряжение предметы европейского обихода, которые он получает с пароходов, заходящих в Гиресун. Я весьма тронут его заботами. Что касается цивилизации, то я предпочитаю крайности: мне нужно все или ничего, т. е. Париж или самые дикие районы Востока. Так, несколько дней вынужденного пребывания в четырех стенах мне стали в тягость. Я

тоскую о походном жилье и надеюсь в ближайшее время раскинуть шатер в какой-нибудь долине или на горе, считывая в скором времени покинуть Гиресун и через Гюмюшане проникнуть во внутренние пределы Армении вплоть до берегов Евфрата.

Письмо третье

Гюмюшане, 8 июля

Во втором письме я сообщил Вам о прибытии в Гиресун, куда привело меня желание обследовать местность, пересеченную таинственным горным хребтом, упоминаемым авторами древности под туманным названием Париадрес. Таким образом, я благополучно выполнил стоявшее передо мной задание, а именно: еще до углубления в коренную Армению я приступил к уточнению тех значительных пробелов, которые имеются на карте в этой части понтийских районов. Я смогу теперь свободно выехать из этих мест, не опасаясь оставить после себя необследованные пространства. Итак, я решил направиться сначала в Гюмюшане, а оттуда постепенно продвигаться к долине Евфрата. Передо мной лежало два пути в Гюмюшане: один на Трабзон, другой на Тиреболу. Первый — основная дорога, по которой идет Эрзурумская почтовая линия; ее обычно выбирают путешественники. Второй, наоборот, — нечто вроде пешеходной тропы, не предназначенной для вьючных лошадей. Этот путь лишь неясно указан на карте М. Кипертом, ибо точные данные о местности, по которой пролегает упомянутая тропа, пока совершенно отсутствуют. Несмотря на предупреждения, сделанные мне в Гиресуне, я, конечно, выбрал второй путь. Здесь мне предстояла возможность пополнить предыдущие наблюдения и выяснить вопрос, заканчивается ли горная цепь на востоке, в районе, по которому проложена дорога, или же она тянется далее на средней высоте, определенной мной между Шабхане-Карахисаром и Гиресуном. Восемь дней тяжелого перехода показали, что горный массив Париадреса между Тиреболу и Гюмюшане все также высок. Проходя по этой местности, мне вновь пришлось преодолевать трудности, с которыми я уже

встречался, переправляясь через центральную часть массива. На этот раз, умудренный опытом, я приобрел дополнительно двух лошадей и нагрузил их ячменем и хлебом. Это была необходимая предосторожность, ибо в немногих жалких деревушках, мимо которых мы проезжали, нам могли предложить лишь несколько кукурузных лепешек, но ни одного зернышка ячменя. Большинство лагуг в деревнях почти не заслуживает названия человеческих жилищ. Они представляют собой груды булыжников, покрытых сверху несколькими досками, щели между которыми слишком малы, чтобы выпускать дым от очага, и достаточно велики для того, чтобы через них проникал дождь.

В низких, узких и темных жилищах помещаются вместе мужчины, женщины, дети и небольшое количество домашних животных, которых могут прокормить эти каменистые горы. Население даже в примитивных деревнях между Гиресуном и Тиреболу, так же как между Тиреболу и Гюмюшане, представляет любопытное явление. Национальность большинства жителей смешанная. Они открыто исповедуют ислам и в общественных местах говорят только по-турецки. Но тайно исполняют обряды восточной греческой церкви, дома говорят по-гречески и носят каждый по два имени. Так, если кто-либо из них утром появляется в белой или зеленой чалме (цвета «истинно-правверных») и именуется Ахметом или Селимом, вечером в лачуге или скрытой пещере он присоединяется к своим единоверцам для тайного выполнения обрядов христианской религии под руководством папаса (священника), выступавшего за несколько часов до этого в мечети в качестве муллы. Здесь люди говорят с характерной для греков скороговоркой и носят уже другие имена — Георгий, Симон или Петр.

Большинство христиан-мусульман происходит из довольно крупной деревни Кром, расположенной примерно в 30 км к северо-северо-западу от Гюмюшане. Отсюда они расселились по всему району между Трабзоном, Гюмюшане и Тиреболу, а также кое-где на побережье. Численность их достигает по меньшей мере 50 тыс. Они происходят, вероятно, от греков, которых турки принудили принять ислам при нашествии или в первые годы своего владычества.

Впрочем, стойкость христианских соков под тяжелой корой мусульманской религии ярко показывает мораль-

ную силу и жизнеспособность греческого народа. Этот пример эллинского упорства мне напомнил другой случай, которым я восхищался. В малоизвестной европейской местности, в Калабрии, в окрестностях Козенцы и Катандзаро, я видел целые деревни с населением греческого происхождения. Папский деспотизм заставил жителей этих мест принять лишь внешнюю, призрачную сторону католицизма. В действительности, здесь греки-униаты сохраняют основные обряды своей религии и, хотя они вклинились в итальянское население, прекрасно владеют его языком и одеваются как итальянцы, продолжая между собой говорить только по-гречески. Так, века и революционные перевороты ничего не изменили в их жизни. Горсточка людей сумела сохранить традиции древней византийской провинции, «Великой Греции», имя которой теперь упоминается лишь в научных трудах. Любопытный факт существования мусульман-христиан, о которых я только что упоминал, доказывает еще более поразительную жизнеспособность: греки-униаты вошли в соглашение с Римом и официально обеспечили себе положение, которое теперь занимают. Между тем в Малой Азии христианство сохраняется в подполье, за ширмой исламизма, столь искусно воздвигнутой, что только пользующиеся доверием могут заглянуть за нее. Со времени последних воззваний султана⁵, оповестивших скорее о надеждах, чем о реальных фактах, эта часть населения начинает мало-помалу приоткрывать занавес. В деревнях, где я останавливался, несколько псевдомусульман сообщили под большим секретом о своей принадлежности к христианской вере тем из моих служащих, которые ее исповедуют, в частности «сеисам» (конюхам), армянам по происхождению.

В бытность мою в Гиресуне ко мне пришел мулла, назвавшийся Сулейманом. Если бы он не так усиленно настаивал на желании видеть меня, я отказался бы принять его, так как у меня не было ни времени, ни охоты разбираться с ученым мусульманским священнослужителем различные положения Корана. Каково же было мое изумление, когда мнимый служитель пророка сообщил, что он,

⁵ В 1856 г. султан Абдул Меджид торжественно провозгласил воззвание о реформах (Хатти хумаюн) в Османской империи. — Прим. перев.

мулла Сулейман, является одновременно греческим священником Партениосом. Именно поэтому он решился меня побеспокоить. Он умолял меня как христианина помочь ему выбраться из ужасно тяжелого и ненормального положения, в которое он попал по наследству от своих предков. «Речь идет не обо мне, — сказал старик, и крупная слеза упала на его белую, как серебро, длинную шелковистую бороду, — мне недолго осталось жить, и я могу продолжать тайно служить моему богу, как я это делаю уже около семидесяти лет; но у меня есть дочь, которую на людях я называю Фатимой, а когда мы вдвоем, то прижимаю ее к груди и, лаская, произношу нежное имя Софья. Я должен спасти невинное существо. Ей пора выйти замуж, и я не смогу долго отказывать мусульманам, ее мнимым единоверцам, прослышавшим о красоте дочери. Среди них есть могущественные люди. Я чувствую, что не переживу того дня, когда муж-турок уведет моего ангела в гарем. Я умоляю Вас помочь переправить в Крым, в Тифлис или вообще в какую-либо христианскую страну мою бедную Софью в сопровождении кого-нибудь из ее родных, тоже христиан, как и я, но прикрывающихся мусульманским обликом. Я передам им деньги для обеспечения существования моей дочери, а сам посвящу остаток своих дней молитве, прося бога вознаградить Вас за доброе дело!» Слова старика меня глубоко тронули, и я поспешил сделать все, что позволяло мое положение. Но оно не разрешало мне прежде всего нарушить законы гостеприимства, вмешиваться во внутренние дела чужой страны. Как частное лицо, я мог играть лишь роль пассивного наблюдателя или же советника, в том случае если бы мои представления перед властями могли иметь успех. На этот раз мне удалось добиться желаемого. Старик и прелестная Фатима-Софья сели на европейский пароход, получив от турецких властей, если не официальное разрешение, то молчаливое согласие на отъезд.

Вот уже три дня как разбил лагерь в очаровательном саду, в получасе ходьбы от Гюмюшане, города, некогда славившегося серебряными рудниками, забросанными позднее. Город расположен на склоне горы, где невозможно найти ни подходящего места для палатки, ни хороших пастбищ для коней. Каймакам (губернатор) в сопровождении многочисленных всадников любезно выехал мне навстречу и проводил меня в сад, принадлежащий бога-

тому турецкому землевладельцу, чтобы предоставить его в мое распоряжение. Мои люди немедленно поставили для меня палатку в тени столетнего орехового дерева, привязали лошадей, сильно уставших в пути и нетерпеливо ожидавших момента, чтобы насладиться сочной травой, которой уже давно не лакомились. Владелец сада, столь неожиданно ошарашенный «честью» принимать меня у себя, покорно подчинился приказу начальства и в очень дурном расположении духа направился в небольшой домик, стоявший в глубине сада, как раз напротив моей палатки. Увидев ее, он велел своим слугам отгородить коврами и полотнищами свое жилище, чтобы полностью изолировать от нас десять — двенадцать молодых женщин, составлявших гарем этого, более чем шестидесятилетнего старика. Бедные пленницы получили разрешение дышать свежим воздухом только на балконе, также забронированном шаткими импровизированными перилами и коврами, из-под которых время от времени выглядывали то кончик золотистой туфельки, то складка красных шаровар. А иногда между суровых драпировок вдруг появлялась, словно блестящая искорка, пара прелестных глаз, и слышался веселый смех и шепот, прерываемые тотчас ворчливым голосом старого тюремщика.

Среди подобных невинных наблюдений и более серьезных занятий меня не покидало желание вновь отправиться в путь, чтобы переправиться через горный хребет, окаймляющий на севере долину Евфрата. Я не решил еще, каким путем мне воспользоваться, так как только что обнаружены курды как раз в тех местах, куда я собираюсь направиться. Однако я надеюсь на счастливую звезду, охраняющую меня уже столько лет, и надеюсь отправить Вам следующее письмо с берегов Евфрата.

Письмо четвертое

Эрзурум, 29 июля 1858 г.

В моем предыдущем письме, посланном Вам из Гюмюшане, я сообщал о моем проекте проникнуть в Армению, спустившись в долину Евфрата с тем, чтобы затем подняться по ней до Эрзурумского горного плато. Мне очень

хотелось использовать этот путь, ибо он находится в стороне от дороги, ведущей из Гюмюшане в Эрзурум, по которой я не имел желания следовать, так как она не раз описана другими путешественниками. Я только что с большим успехом осуществил свой проект и спустился в Эрзинджан (находится у правого берега Евфрата). Отсюда я поднялся по реке до Эрзурума. Живописная долина, по которой протекает река, начиная от Эрзинджана до Эрзурума, почти совершенно ровна. Она была бы очень удобна для прокладки железнодорожного пути. Долина довольно хорошо обработана, хотя соседство курдов, которых еще Ксенофонт называл «кардуши», весьма беспокоит население. По мере продвижения по долине Евфрата перед вами все яснее обозначается (как в физическом, так и в духовном отношении) тип большого армянского плоскогорья, сыгравшего важную роль в далекую эпоху истории человечества. Внешний облик страны характеризуется не только громадными высокогорными обезлесенными пространствами, выжженными летом от сильного зноя и скованными зимой жестокой стужей. Он проявляется также во внешнем облике, костюмах и нравах жителей, населяющих горы и составляющих резко выраженный контраст по сравнению с населением западных районов Азии, с точки зрения перехода к персидскому типу. Впрочем, райя (христиане — подданные Османской империи) также причастны к этим изменениям, ибо армянское население говорит здесь на своем языке (превосходно владея турецким), тогда как в более западных областях Азии армянский язык полностью вытеснен турецким. Наряду с райя и турками в этих местах имеется третья, резко выраженная национальность — это курды. Их происхождение совершенно отлично от османов, а в языке почти нет ничего общего с языком последних. Оттенок однообразия, засухи и грусти как бы навис над этими районами, характерные черты которых достаточно хорошо передаются во внешнем облике столицы. В самом деле путешественник, проходя по обширным равнинам, орошаемым Евфратом и зачерненным базальтовыми глыбами, и продвигаясь постепенно к Эрзуруму, тщетно будет искать одну из тех живописных, изящных картин, которую представляет собой турецкий город, если смотреть на него издали. Перед его взорами не возникает ни красивых ларьков, ни стройных минаретов, ни деревянных дач раз-

нообразных форм и окрашенных в тысячу ярких цветов и оттенков. Перед глазами путника предстанет огромное скопление мрачных жилищ из кирпича или строительного материала, изготовленного из тины и грязи. Дома разбросаны вдоль пыльных улиц, замаскированы наполовину развалинами или стенами, не похожими на почтенные живописные руины. Прибавьте к этому однотонный национальный костюм персов, остроконечные шапки и темные одежды, которые так резко отличаются от белых и зеленых чалм и ярких курток османов, и у вас составится представление о безотрадном виде столицы Армении⁶. Восточный город, лишенный всякого обаяния, не представляет прелести, ибо города Востока (в том числе Константинополь) кажутся прекрасными, пока вы не оказались в их пределах. Климат Эрзурума в общем здоровый, хотя ввиду значительной высоты над уровнем моря и чрезвычайной оголенности местности его следует отнести к числу резко континентальных. Однако в текущем году можно отметить довольно примечательную аномалию. В то время как в южной части Европы и Азии зима на редкость суровая, в Эрзуруме было много теплее, чем обычно. Зато в июле стояла такая жара, какую здешние старожилы не припомнят. Так, в течение недели нашего пребывания в этом городе термометр, находившийся в тенистой, хорошо проветриваемой комнате с окном на Север, показывал +39° по Цельсию, а на солнце +50°. Чтобы избавиться от тропической жары бедных лошадей, и так уже прошедших через тяжелые испытания, я решил остаться на десять дней в Эрзуруме. Это время я, с одной стороны, прекрасно использую для подготовки экспедиции в Курдистан, а с другой — для собирания статистических данных относительно обширной и интересной провинции Эрзурума. Чтобы Вы имели о них ясное представление, я выберу только такие, за достоверность которых вполне можно поручиться, поскольку они взяты из официальных документов, которые в Турции, как, к сожалению, и в ряде стран Европы, либо не подлежат оглашению, либо публикуются после внесения в них тех или иных изменений. Эялет или пашалык (так называются крупные территориальные подразделения Османской империи, кото-

⁶ Имеется в виду Эрзурум, который в древние и средние века назывался Карином и был столицей Армении. — *Прим. перев.*

рые в свою очередь делятся на провинции) Эрзурума ежегодно выплачивает правительству от 16 до 18 млн. пиастров (3200 тыс.—3600 тыс. фр.). Доход этот очень незначителен по сравнению с тем, который можно было бы получить с обширного района. Главный источник его — десятинный налог, поступления от таможи города Эрзурума, которая дает 4 млн. пиастров (900 тыс. фр.), доходы от солеварен и прочие налоги. Эялет состоит, во-первых, из города Эрзурума, включая довольно значительный район, образующий совокупно с городом так называемый Нефси Эрзурум, и, во-вторых, из четырех провинций, или санджаков, называемых также каймаками, поскольку они управляются каймаками или заместителями паши; это следующие провинции: Карс, Баязид, Муш и Олти. Как Нефси Эрзурум, так и провинции делятся на округа (каза). Каждая провинция имеет 10—12 округов, тогда как у Нефси Эрзурума их 13, а именно: Пасын-Ухия (верхний), Пасын-Суфла (нижний), Кыныс, Генык, Терджан, Эрзинджан, Кузулчан, Кыгхи, Виабут, Чейран, Испир, Тортум и Гхизким. Таким образом, весь пашалык Эрзурума имеет 61 каза, или округ, каждый из которых управляется мюдиром. Назначение или увольнение мюдира со службы почти во всех случаях зависит исключительно от паши. К сожалению, здесь, как и в других пашалыках империи, осуществление этого права облегчается рядом иллюзорных положений, содержащихся в законе. Вследствие этого оно становится источником многочисленных и прискорбных злоупотреблений. Что касается судьбы 61 должностного лица, занимающих довольно важное служебное положение, то почти всегда она решается в зависимости от личных денежных интересов Его превосходительства, нежели от нужд страны. Имеющиеся данные о численности населения Эрзурума сильно преувеличены. Согласно этим данным, население города достигает 100 тыс., в то время как в 1700 г. знаменитый Турнефор — один из первых европейских ученых, посетивших Эрзурум, насчитывал в нем всего 24 тыс. человек, в том числе 18 тыс. турок (почти все янычары), 6 тыс. армян и 400 греков⁷.

Таким образом, как это следует из подлинных документов, изученных мною лично, исчисления знаменитого

⁷ Tournefort, *Relation d'un voyage du Levant*, t. II, p. 112.

ботаника ближе всего к истине: действительные цифры следующие: мусульман — 26 625, армян грегорианской веры — 7500, армян-католиков — 750, греков — 125, а всего 35 тыс. человек. Из приведенных цифр следует, что более чем за полтора века мусульманское и армянское население города значительно возросло (особенно мусульмане, число которых почти удвоилось по сравнению с данными Турнефора), тогда как число греков, наоборот, сильно уменьшилось. В Эрзуруме имеется всего 6600 домов, 500 мечетей (джами), 26 караван-сарая с магазинами и лавками, 50 простых ханов, или гостиниц (конечно, ничего общего не имеющих с нашими гостиницами или даже тавернами Европы), 13 бань, великолепная таможня с садом, казарма, в которой в настоящее время размещены 1000 солдат, составляющих гарнизон города. В Эрзуруме три епископа: армяно-грегорианский, армяно-католический и греческий. Имеется также четыре церкви: греческая, армянская, армяно-католическая и латинская; последняя обслуживается двумя капуцинами, находящимися под защитой Франции. Консульства и агентства следующие: русское (наиболее значительное и влиятельное из всех), французское, английское и персидское и, наконец, австрийское консульское агентство. Число иностранцев, проживающих в городе, распределяется следующим образом: 1000—1200 русских подданных, 1500—2000 персидских подданных, один француз и несколько итальянцев, находящихся под защитой Франции; несколько лиц находятся под защитой Англии и два австрийских подданных.

Торговля Эрзурума с кавказскими провинциями незначительна; но что существенно важно для города и обеспечивает ему немаловажную роль в коммерческих сделках на Востоке — так это транзитные операции. В самом деле, Персия ежегодно пересылает через Эрзурум в Константинополь свыше 10 тыс. ферде⁸ шелка стоимостью в 10 млн. фр.; шали из Кермана, Лахора, Хорасана, Кашмира на сумму 2400 тыс. фр.; тембеки (табак для кальяна) на 1 млн. фр.; хлопчатобумажных ниток на 200 тыс. фр.; сушеных фруктов на 900 тыс. фр.; всего на общую сумму 14,5 млн. фр. В свою очередь Константинополь вывозит в Персию также через Эрзурум (доставка из Эрзу-

⁸ Старая единица измерения тканей в Иране и Турции соответствует рулону (примерно 33 м). — *Прим. перев.*

рума в Константинополь и обратно производится морским путем через Трабзон, причем пароход идет четыре дня; между тем как сухопутное сообщение между Трабзоном и Эрзурумом требует от восьми до десяти дней) сахар, чай, мануфактуру (главным образом ситец), медикаменты, стекло, американское полотно и т. д., всего на 24 млн. фр., т. е. примерно на сумму, в два раза превышающую стоимость товаров, получаемых Константинополем из Персии.

Во всяком случае Вам ясно, что транзитная торговля для Эрзурума — жизненно важный вопрос и ее потеря была бы для Османской империи серьезной катастрофой. Тем не менее такая катастрофа скоро должна наступить в связи с проведением железной дороги между русским портом Поти и Тифлисом и установлением линий прямого сообщения для русских пароходов между Поти и Константинополем, без захода в Трабзон. Вся торговля с Персией немедленно будет переключена на этот путь. Купцы будут рады избавиться от тревог, связанных с опасным и тяжелым путем по гористым местам, где можно путешествовать лишь караванами. Так, свисток паровоза, оповещающий об отправке первого железнодорожного состава из Поти в Тифлис, будет в то же время сигналом к падению торговли между двумя главнейшими городами Османской империи, Эрзурумом и Трабзоном. Этот свисток оповестит всю Европу об отводе в сторону русской территории большой торговой артерии Центральной Азии, которая в течение многих веков пролегла через уже наполовину очоженное тело Турции. Когда наступит это время, а новое русское правительство, стремящееся к коренным реформам⁹, ускорит его приход, торговля Трабзона и Эрзурума сведется к обмену предметами местного производства. А оно сейчас так незначительно, особенно в Эрзуруме, где фабричная промышленность, некогда довольно активная, сведена почти до нуля, причем даже для таких товаров, которые долгое время были монополией армянской столицы.

Ранее, например, оружейные мастера Эрзурума изготовляли оружие, лучшее в Османской империи; эта отрасль промышленности была сосредоточена главным образом в руках одного армянского семейства, состоявшего

⁹ Речь идет о подготовке к реформам, в частности, отмене крепостного права в царствование Александра II. — *Прим. перев.*

из семи братьев и известного по этой причине под именем «Еди кардаш» («Семь братьев»). Двое из братьев живы и поныне. Однако обескураженные отношениями к ним со стороны правительства, они потушили печи, сменили молот и наковальню на лопату и кирку и занялись садоводством и торговлей на базаре огурцами и арбузами вместо ружей и сабель. Однако, как показывает следующий вполне достоверный случай, священный огонь не угас среди этих, полузабытых наследников искусства Вулкана. Когда впервые в Эрзуруме появился английский револьвер, паша будто бы позвал к себе одного из «Еди кардаш». Показав ему новый образец европейского гения, он спросил: могли ли знаменитые мастера Эрзурума в лучшие свои времена изготовить подобное чудо? Отвергнутый оружейник ответил, что, если его превосходительство согласится оплатить расходы, он сможет изготовить на своей заржавленной наковальне нечто, достойное соперничать с этим образцом. Получив согласие пашы, армянин вернулся к нему через месяц и принес револьвер собственного изготовления. Эксперты с трудом могли отличить новый револьвер от оригинала.

Этот случай убеждает в том, что нынешний упадок в национальной турецкой промышленности объясняется отнюдь не неспособностью населения, а скорей преступным нерадением правительства, которое не сумело стимулировать труд в промышленности или хотя бы устранить препятствия, затруднившие ее развитие.

В настоящее время я очень занят приготовлениями к рискованному походу, требующему, к сожалению, много снаряжения, чем то, которое можно приобрести на здешнем рынке. В связи с этим необходимо установить соответствующие отношения с некоторыми лицами, могущими облегчить осуществление моего проекта. Я решил проникнуть в горные массивы между Эрзурумом и Эрзинджаном, окаймляющие с юга долину Евфрата. Но это как раз область курдских племен, которые в течение веков успешно противостояли всем попыткам османского правительства подчинить их своей власти. И у меня остается только одна возможность проникнуть в эти таинственные края, где еще ни один европеец не осмелился показаться, а именно, — снаискать благоволение одного из курдских вождей. К счастью, некоторые из них или их агенты не боятся спускаться с гор в Эрзурум либо в другой город,

чтобы запастись всем, чего нет в суровых горах. Появляются они открыто, ибо одно слово «курды», когда особенно речь идет о курдах с горы Дуджик, внушает такой страх, что нет человека, который не побоялся бы их мщения. У меня все основания полагать, что начатые переговоры завершатся успешно. Я горю желанием посетить эти великолепные горы, о которых здесь рассказывают чудеса, достойные «Тысячи и одной ночи». В частности, один из горных массивов, находящийся всего в 29 милях от Эрзурума (носит название Бингёльдаг, что в переводе означает «Гора тысячи озер»), вызывает у меня особые восторги. Я собираюсь начать мой рискованный объезд курдской области именно с этой горы и затем постепенно продвигаться к западу до массива Дуджик, населенного многочисленным, воинственным племенем, которое, как говорят, может выставить свыше 30 тыс. всадников. Женщины этого племени вооружены, как амазонки. Более подробные сведения обо всем этом надеюсь Вам сообщить в следующем письме.

Письмо пятое

Эрзинджан, правый берег
Евфрата, 14 августа

В отправленном Вам последнем письме из Эрзурума я сообщал, что был занят приготовлениями к довольно рискованной экспедиции на территорию, населенную курдами. Эта экспедиция имела целью главным образом исследовать массив Бингёльдаг — излюбленное место сборища в летнее время для племен этого народа. Местные жители всей области справедливо рассматривают эти сборища как настоящий бич, так как всюду, где только не насытные расхитители разбивают палатки и пригоняют свой стада, посевы мгновенно исчезают, как истребленные саранчой, а путешественники, объятые ужасом, делают большой крюк лишь бы избежать встречи с ними.

Мне удалось счастливо проскочить среди этих опасных племен и не только исследовать Бингёльдаг, но и продолжить путь через горную цепь, в которую входит эта вер-

шина, составляющая южный край долины реки Евфрата и находящаяся между меридианами Эрзурума и Эрзинджана.

Я спустился к последнему городу с высоты могучих горных укреплений, как бы воздвигнутых самой природой для укрытия древних «кардуши», которые из-за слабости османского правительства пользуются в горах свыше двух тысяч двухсот лет дикой независимостью. Только этим можно объяснить, что национальные традиции сохранились здесь нетронутыми в течение многих веков, а племя это, столь активное и энергичное, смогло противостоять всем революциям, оставаясь победителем среди обломков государств, рухнувших вокруг него.

Предоставленное самому себе и свободное от какого-либо иностранного влияния, оно сохранило оригинальный отпечаток.

По своей внешности курды близки к красивому персидскому типу. Лицо их одновременно дышит кровожадной смелостью льва и хитростью лисы. Эти черты, так ясно сквозящие как в наружности, так и в поступках, не исключают, однако, патриархальных добродетелей, переданных с такой наивной прелестью Библией в описании частной жизни кочевых народов. Так, если курд приглашает в палатку иностранца разделить с ним скромную трапезу, личность последнего становится неприкосновенной, пока он находится в гостях. Никого этим не оскорбляя (что имело бы место в среде любого другого народа Востока), он может любоваться красотой курдских женщин, которые, не в пример другим мусульманским женщинам, почти не закрывают лицо. Подобно мужчинам, они носят высокие головные уборы из белого фетра, обвитые в виде чалмы белой или цветной материей. Такой убор придает смелый и горделивый вид прекрасному овалу их лица, покрытого бронзовым загаром и оживленного блестящими черными глазами. В остальном одежда курдских женщин весьма напоминает мужскую и состоит из своего рода узкой сутаны, доходящей до колен, с длинными, широкими рукавами и, наконец, из широких красных, синих или белых шаровар, суживающихся у щиколотки. Нога ясно вырисовывается, обутая в красную туфельку с очень низкими краями и загнутым вверх носком.

Однако не всякому выпадает честь быть приглашенным к столу в тесном семейном кругу. Для иностранца, по-

жалуй, более осмотрительно известить заранее вождя племени о своем желании посетить передвижные городки, состоящие из палаток, ткань которых выткана из черной козьей шерсти.

Неожиданное появление чужестранца может быть иной раз встречено ружейными выстрелами, тем более что в этих районах каждый пастух постоянно носит огнестрельное оружие либо саблю. Всадники вооружены, кроме того, длинными пиками, которые придают им внушительный и живописный вид, особенно в тех случаях, когда в момент хищнического набега они бросаются за добычей на конях, скачущих быстрым галопом.

Воинственный вид, характерный для них во время летнего отдыха в лагере, на горных пастбищах, курды сохраняют отчасти и в деревнях, где проводят зиму в жалких лачугах, построенных из камней, скрепленных грязью и илом, и образующих узкие и темные жилища. Мы сочли бы их совершенно непригодными даже для животных.

В каждом углу такого жилища оцетинилось оружие. Подступы к лачугам украшены перекрещенными копьями, рядом конь прекрасных кровей, готовый в любую минуту унести своего господина, куда он прикажет. Многие курдские племена позволяют правительству находиться в наизыбном заблуждении, будто они являются османскими подданными. Такие племена именуются как «покорные курды». Они и в самом деле платят некоторые налоги, но не поставляют ни одного солдата турецкой армии. Зато они возвращают себе в стократном размере выплаченный ими налог, взимая его по своему усмотрению со всех деревень, находящихся в горах или поблизости от них и даже в долине реки Евфрата, между городами Эрзурумом и Эрзинджаном.

Особенно страдают от такого, так сказать, законно проводимого вымогательства, происходящего на глазах и с ведома местных турецких властей, армянские деревни. Мне часто приходилось наблюдать странное зрелище, когда значительная часть населения была поставлена вне закона в пользу другой, обремененной правом сильного. Однако я больше всего был поражен увиденным в деревне Сарыкая. Эта деревня расположена на большом Эрзурумском почтовом тракте всего в 12 французских милях от Эрзинджана, где находятся не менее семи пашей с

3 тыс. солдат регулярной армии, между тем как в деревне Мамахатун, еще ближе от Сарыкая (в трех милях), стоит артиллерийская часть с пятью орудиями. В одно прекрасное утро среди этого скопления вооруженных сил появились два курдских всадника, посланных вождем Джурджукдагских племен, Шах Гуссейном, с приказом жителям, занятым сбором урожая, прислать значительную его часть их господину. Едва сдерживая слезы, бедные люди почтительно подчинились, тогда как мне очень хотелось испробовать на всадниках силу боя моего превосходного револьвера. Когда я выразил удивление по поводу того, что 300 человек покорно уступили требованиям двух мерзавцев, мне ответили, что малейшее сопротивление неминуемо вызвало бы угон их скота или даже резню всего населения. «Но ведь вы же больше не в горах, как ваши братья, — сказал я, указывая рукой на Джурджукдаг, — вы на равнине, окруженные войсками, посланными падишахом для вашей защиты». — «Ах, господин, — ответили мне, — вы давно живете в этой стране, так как же можете ставить нам такой вопрос? Говорят, что падишах милостив, но он далеко, и мы можем надеяться только на милосердие бога, которому целые века докучаем своими бесплодными молитвами. Разве вы не знаете...» Тяжелый разговор был прерван появлением турецкого офицера, шедшего в сопровождении слуг, несших трубки. Бедные люди тотчас принялись вновь за работу.

Я рассказал должностному лицу, облаченному в золотой мундир, обо всем, что видел (и что, впрочем, было лишь повторением виденного и слышанного мной ежедневно в Курдистане). Офицер сначала предложил мне трубку и кофе, а потом, пожав плечами и любезно улыбнувшись, сказал, что все это весьма прискорбно, но главнокомандующий тут ни при чем, так как согласно приказам падишаха применение строгих мер не рекомендуется. Если подобные дела совершаются безнаказанно вблизи войсковых соединений, причем те, кто их совершает, являются гражданами, внесенными в списки «покорных курдов» (такими признаны курды Джурджука), то Вам легко представить, что творится в той части Курдистана, население которой признается официально в качестве «непокорного».

Мне остается рассказать Вам о курдах как о поэтах и трубадурах. Благодаря любезности г-на М. Жаба, рус-

ского консула в Эрзуруме, у меня имеется нечто вроде баллады на курдском языке, в которой повествуется о приключениях двух влюбленных, укрывавшихся в горах Бингёльдаг. В самой фабуле для нас, европейцев, нет ничего нового или оригинального.

Но этот маленький литературный памятник представляет значительный интерес, если представить себе, что баллада написана на языке, почти совершенно неизвестном даже крупным ученым-востоковедам, и, быть может, столь же древнем, как древние наречия из «Кардуши» Ксенофонта.

Курды, более двенадцати веков не переселявшиеся и сохранившие обычаи и нравы отдаленных времен, несомненно, говорили в прошлом на том же языке, что и сейчас. Будем надеяться, что М. Жаба, изучающий десять лет этот язык, скоро ознакомит нас с ним. Исследования этого искусного востоковеда тем более интересны, что он единственный в наше время успешно изучает язык народа, столь же древнего, как и малоизвестного. Ему удалось уже составить словарь и грамматику курдского языка; я видел объемистые рукописи его трудов, которые скоро будут напечатаны. Кроме того, он занят собиранием народных песен, древних легенд и описанием обычаев, веками передаваемых от отца к сыну. Среди этих любопытных документов, занимающих не одну полку библиотеки ученого консула России, имеется баллада о любви Сиякмеда и Шемси. Действие происходит на упоминавшейся горе Бингёльдаг (гора тысячи озер), куда я направлялся.

Г-н Жаба любезно вручил мне не только перевод с курдского, по мере возможности литературно обработанный, но также изящную копию оригинала с разрешением передать ее азиатскому обществу Франции, которое, вероятно, будет обрадовано возможностью пополнить свой бюллетень уникальным в своем роде памятником восточной литературы.

Предполагая прожить в Эрзинджане еще несколько дней, я воспользуюсь этим, чтобы написать Вам еще раз отсюда и послать упомянутую балладу в переводе на французский язык, так как я не хотел бы оскорблять ученых-востоковедов Европы предположением, что Ваши читатели способны расшифровать оригинал, мало кому доступный даже из наших академиков.

Письмо шестое

Эрзинджан, правый берег
Евфрата, 17 августа

Отправив Вам последнее письмо, я не покидал Эрзинджана, где мне пришлось задержаться дольше, чем предполагал. Пользуюсь этой задержкой, чтобы написать Вам еще несколько слов с берегов Евфрата и послать обещанный мной перевод небольшой курдской баллады. В нем я старался придерживаться возможно ближе оригинала часто, однако, в ущерб изяществу и правильности стили.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СИЯКМЕДА И ШЕМСИ

Во времена, когда Тимур-паша Милли был искянбашни¹⁰, уполномоченным сопровождать семьи (своего племени) во время летнего перехода из пустыни на пастбища Бингёльдага, появился молодой человек из племени Силиван Диарбекир. Он был умен, красив и очень храбр, но не имел никакой профессии и был совершенно без средств. Звали его Сиякмед. Тимур-паша Милли увидел его и взял к себе на службу. У паши была дочь Шемси лет 16—17. Она была обворожительна, отличалась исключительной красотой. Сиякмед-Силиви и Шемси, дочь Тимур-паши Милли, понравились друг другу, взаимное чувство перешло в любовь, возраставшую с каждым днем. Сиякмед понимал, что Тимур-паша никогда не отдаст за него дочь по доброй воле. Сиякмед был простым курдом и к тому же слугой, тогда как Тимур одновременно — искянбашем и пашой.

Однажды Сиякмед сказал Шемси: «Доколе будем мы страдать от нашей несчастной любви? Мы никогда не увидим покоя до тех пор, пока мне не удастся тебя похитить. В этом случае мы спасемся или будем достигнуты погоней и убиты. Тогда завершится наша любовь!»

Одним словом, Сиякмед и Шемси решили бежать и ждали благоприятного случая, чтобы осуществить свой план. Пришло время Тимур-паше снимать лагерь. Вот

уже все упаковано, люди спешат покинуть пастбище Бингёльдага, чтобы вернуться на зиму в свои дома в пустыне. Сиякмед и Шемси садятся, как и другие, на коней, но остаются в арьергарде при багаже. Им удается отстать и бежать по направлению к Мушу, по дороге в Хелат. Тимур-паша и его люди, прибыв домой с наступлением ночи, заметили отсутствие Шемси и Сиякмеда. Все принялись кричать, что они исчезли. Тимур-паша немедленно выделяет 500 всадников и посылает их в путь по следам, оставленным вьючными лошадьми. Всадники скачут всю ночь и прибывают с восходом солнца в Бингёльдаг. Они всюду спрашивают о беглецах и, наконец, узнают от старика, отставшего от каравана, что Сиякмед и Шемси все время находились в арьергарде, а затем свернули на дорогу, ведущую в Хелат, и пустили коней галопом. Беглецы были вооружены копьями. Всадники повернули лошадей в указанном стариком направлении и помчались догонять беглецов.

Но что же, однако, произошло с Сиякмедом и Шемси? Проскакав галопом всю ночь и затем еще 20 часов на следующие сутки, они достигли горы Хелат в местечке Сенан. Почувствовав себя в безопасности, они сошли с коней. Вскоре прямо на них вышло несколько оленей. Сиякмед стреляет и ранит одного из них. Олень пытается спастись бегством. Сиякмед вскидывает ружье и бежит за раненым зверем, который карабкается вверх по отвесной скале, повисшей над бездной, затем изнемогает и падает. Сиякмед настигает оленя, выхватывает нож, чтобы прикончить его, но в предсмертной схватке олень ударом рогов сбрасывает Сиякмеда со скалы в пропасть. У подножия ее стояло дерево с остроконечной верхушкой. Сиякмед упал на нее грудью, она пронзила его, и он тотчас скончался. Шемси не знает о его судьбе. Она ожидает его некоторое время у лошадей, а затем, видя, что Сиякмед не возвращается, направляется по его следам и находит убитого оленя. Бросив взгляд в пропасть, она увидела Сиякмеда на дереве. Подумав, что он нарочно влез на дерево, она несколько раз громко окликнула его: «Сиякмед! Сиякмед!» Убедившись в его смерти, Шемси, рыдая, предается отчаянию и, наконец, бросается со скалы на тело Сиякмеда.

Всадники, посланные за влюбленными вдогонку, подъезжают к месту, где стоят лошади. Шемси еще про-

¹⁰ Звание чиновников, которых османское правительство назначало в качестве своих представителей при курдских племенах.

износит несколько слов, но вскоре умирает. Влюбленных похоронили вместе. Могила их и поныне является местом паломничества. Сестра Сиякмеда Силиби сложила в их честь несколько песен, которые курды поют и в наши дни. Собираясь вместе, они любят вспоминать это предание и петь песни, посвященные им. Песни так трогательны, что даже мужчины плачут над трагической судьбой несчастных влюбленных.

Приведенный образец курдской поэзии (первое литературное произведение такого рода, совершенно неизвестное в Европе) доказывает, что этот народ, живущий как бы отрезанным от мира в суровых горах и свыше тысячи лет отстаивающий свою независимость, сочетает кровавые инстинкты с нежными сердечными порывами. В противоположность обычаям, присущим народам Востока вообще, курдская женщина служит объектом поклонения, которое не представляет собой ничего оскорбительного и даже славится в народных песнях. Курды во многом придерживаются более либеральных религиозных принципов, чем другие мусульмане. Впрочем, они в большинстве принадлежат к таинственной секте кызылбашей, учение которой освобождает своих последователей от многих варварских предрассудков и обычаев, присущих верным последователям Корана. Так, кызылбаша пьет вино, едят свинину и предоставляют женщине свободу, не допускаемую правоверными мусульманами. Более того, придавая мало значения внешним формам религии, они обычно довольно терпимы к другим вероисповеданиям, в том числе и к христианской вере.

Приведу пример, очень показательный для мусульманских стран. В десяти милях от города Муш, расположенного в центре курдского населения, находится большая и богатый армянский монастырь, обладающий уже давно огромным колоколом, сзывающим верующих к молитве. Звон колокола, столь неприятный для мусульманского уха, не вызывает никакого раздражения у курдов. Они удовлетворены отношением армянских монахов, всегда готовых оказать своим воинственным хозяевам щедрое содействие, и совершенно не интересуются внешними формами их религии, поскольку она им не враждебна.

Такой пример религиозной терпимости со стороны диких сынов пустыни являет собой резкий контраст с

неискоренимым фанатизмом турок, обосновавшихся в крупнейших городах Османской империи и ежедневно общающихся с европейцами. В самом деле, за исключением Константинополя и двух-трех городов побережья, где имеются консульства, христианам не удалось ни в одном из крупных городов страны добиться разрешения пользоваться колоколами своих церквей. В Гиресуне, где христиан больше, чем мусульман, Эрзуруме, Эрзинджане, Адане, Конье, Тарсусе, Токате, Амасье — словом, во всех значительных городах Малой Азии паши, опасаясь негодования мусульман, не посмели дать христианам соответствующее разрешение, несмотря на повторные указы из Константинополя, извещающие христиан о том, что всякое социальное и религиозное неравенство между ними и мусульманами должно отныне исчезнуть.

Но довольно о курдах. К тому же через несколько дней я намерен покинуть эту горную местность, где в это время года дожди и холод могут наступить неожиданно вслед за самой большой жарой. Я поэтому спешу спуститься в другие районы, направляясь к Токату и Амасье. Оттуда постараюсь добраться до Самсуна до наступления равноденственных бурь, от которых я надеюсь укрыться под гостеприимным кровом моего старого друга, английского консула г-на Гуарасино. Вот уже 12 лет как я отдыхаю у него после путешествий, причем останавливаюсь в его доме так же просто, без каких-либо церемоний, как сделал бы это, вернувшись после долгих скитаний по Востоку в Париж и постучавшись в дверь собственного дома на улицах Шоссе д'Антэ или Тронше.

Письмо седьмое

Константинополь, 4 октября

После пяти месяцев кочевой жизни, проведенных днем верхом, а ночью в палатке, настало, наконец, время отдохнуть от жизни под открытым небом. В мой переносный домик все чаще стало проникать ледяное дыхание близкой зимы; с каждым днем все бледнее становилась лазурь дивного восточного неба, между тем как мрачные тучи напоминают холодную и окутанную туманами Европу.

Все говорит о том, что пора возвращаться. Поэтому я решил сесть на пароход в Самсуне, и вот со вчерашнего дня нахожусь снова в столице Османской империи. Сейчас укладываю и регистрирую громадное количество различных коллекций, размещенных во множестве ящиков, присланных мне отовсюду. Я отправлял их по мере возможности с караванами сюда, в Константинополь, или передавал губернаторам провинций с просьбой переслать сюда с первой же оказией. И вот теперь, убедившись в том, что я действительно обладаю всеми этими сокровищами, добытыми с таким колоссальным трудом, я могу себя поздравить с успешным осуществлением весьма рискованной экспедиции.

В момент прощания с Турцией, которую я изучаю непрерывно десять лет, бывая в одних и тех же местах, моя мысль невольно обращается к многочисленным политическим изменениям, которые претерпела страна не только с тех пор как я почти каждый год исследую ее в качестве натуралиста, но и с более отдаленного времени (двадцать лет назад), когда я впервые прибыл сюда как атташе императорской русской миссии. Итак, я спрашиваю себя, каковы же те изменения, которые произошли в стране вследствие упомянутых серьезных событий¹¹, и до какой степени значительные и постоянно возрастающие преобразования в ее столице могут рассматриваться, как отражение аналогичных явлений внутри самой империи? Вот как раз по поводу этих мыслей, навеянных мимолетным воспоминанием о прошлом, мне и хочется побеседовать с Вами в течение нескольких дней, которые я проведу здесь в ожидании парохода, отплывающего в Триест.

Мне нет нужды напоминать Вам, что, не располагая никакими другими материалами, кроме путевых заметок, в которых сведения, не относящиеся к естественным наукам, кратко отмечаются как дополнительные, я шлю Вам лишь необработанную импровизацию. У меня нет возможности подкрепить правильность своих выводов данными из соответствующей литературы или путем сопоставления Турции с Европой. Это требовало бы кабинетной работы. Когда же я вернусь в Париж, в мою библиотеку, я предпочту другие дела политике и быстро забуду эти

¹¹ Имеется в виду Крымская война 1853—1856 гг. — *Прим. перев.*

немногие, наспех набросанные в редкие свободные минуты строки, направленные Вам с Востока.

В последние 20 лет Европа постоянно проявляла заботу о возрождении Османской империи. После неоднократных советов турецкому правительству осуществить некоторые важные мероприятия, которые фактически так и не были проведены в жизнь, Европа только что торжественно провозгласила, что Турция является отныне членом великой европейской семьи. В этих условиях естественно желание выяснить прежде всего, каковы те признаки, которые свидетельствуют о наличии в стране прогрессивных изменений, обнаруженных европейскими державами перед решением вопроса о принятии Турции в свою семью. Для этого было бы достаточно выяснить, проявилось ли это явление за последние 10 или даже 20 лет в таких основных областях государственной деятельности, как финансы, торговля, гражданская администрация и общественная безопасность. Сравнивая, чем была Турция за время моих десятилетних исследований, с тем, что она представляет сегодня, можно обнаружить степень реальности того прогрессивного пути развития, на который она вступила.

Начнем с анализа состояния финансов. Сегодня, как и 20 лет назад, ежегодный доход составляет примерно 200 млн. фр. Бюджет между тем невероятно вырос независимо от расходов, вызванных последней войной и, естественно, не подлежащих учету, поскольку речь идет об обычном положении вещей.

10 лет назад ежегодный дефицит составлял примерно 30 млн. фр. В 1858 г. он достиг суммы, превышающей 70 млн. фр. Такой рост дефицита вызван не только добавочными расходами, связанными с войной, так как в Англии, которой война стоила, несомненно, больше, чем Турции (ее расходы соответствовали ее ресурсам), дефицит в 1858 г., согласно докладу г-на Дизраэли в палате общин, достигает 3990 тыс. ф. ст. (99 750 тыс. фр.). Это составляет сумму, немногим большую $\frac{1}{10}$ ежегодного дохода британского правительства, который исчисляется в том же официальном документе в сумме 63 120 тыс. ф. ст. (1568 млн. фр.), тогда как турецкий дефицит в том же году превысил $\frac{1}{3}$ государственного дохода.

То же самое можно сказать и о государственном долге Турции. Еще 20 лет назад она была, быть может,

единственной страной в мире, которая могла похвастаться полным отсутствием задолженности и наличием в обращении только звонкой монеты. Теперь же ее государственный долг достигает 600 млн. фр., то есть колоссальной суммы, если сравнить ее не с абсолютными цифрами (как это обычно делают платные и неплатные адвокаты Турции) государственного долга других стран Европы, а с соотношением в них поступлений и долгов.

Плачевное состояние турецких финансов зависит от многих причин. Отметим прежде всего разорительную и временами непонятную расточительность султана, несмотря на то что сумма его гражданского листа, установленная султаном Махмудом в 27 млн. фр., превышающая $\frac{1}{9}$ часть ежегодных государственных поступлений, более значительна, чем у любого европейского монарха. Между тем личный долг султана (возрастающий ежедневно), то есть сумма, занятая им частным образом у разных лиц на территории империи при неофициальном посредничестве банкиров (обычно из расчета от 6 до 10%), быстро принимает ужасающие размеры, так что в настоящее время она, по-видимому, не ниже суммы государственного долга. В Европе почти невозможно представить себе более сумасбродное расточительство, чем то, которое позволяет себе его императорское величество, часто по самым легкомысленным причинам. Так, в конце апреля этого года султан получил заем с помощью купцов из Галаты из расчета 9% (7% основных и 2% комиссионных) в сумме 10 млн. фр., предназначенный исключительно на празднование в честь бракосочетания своих двух дочерей. Каждая прогулка на лодке или верхом влечет за собой приказ снести какой-нибудь дворец или же построить новый. Так, Чараганский дворец, недавно выстроенный отцом султана, был снесен и заменен новым. Только одна постройка дворца в Долмабахче обошлась в 70 млн. фр., что превышает $\frac{1}{3}$ ежегодных поступлений в казну государства.

В связи с этим рассказывают весьма характерный анекдот. Как-то султан спросил у своего первого камергера, какова стоимость дворца. Тот ответил его величеству, что она не превышает 3500 пиастров (584 фр.), поскольку именно такова стоимость бумаги, потраченной на ассигнации, которыми были оплачены счета. Понятно, что при легкости, с которой можно достать нужные средства

(то есть при помощи султанских бумажных фабрик), каиме, или ассигнации, вытеснили из обращения в столице всю звонкую монету, и в настоящее время она заменена купонами на сумму, превышающую 700 млн. пиастров (140 млн. фр.), что составляет почти половину ежегодного дохода страны. Несмотря на это, должностные лица в Константинополе получают жалованье исключительно в звонкой монете. Они заинтересованы в сохранении нынешнего положения ввиду того, что каиме упали в цене до 30% своей номинальной стоимости. Как видно, чиновники извлекают из всего этого для себя весьма значительную прибыль.

Поскольку я упомянул мельком об окладах чиновников, следует отметить, что и в этом отношении на финансы страны ложится тяжелое бремя, не соответствующее ее потребностям и возможностям. В Турции не менее 30 министров и 120 мюширов, или маршалов. Содержание одного министра составляет в среднем 250 тыс. фр. в год, а каждого мюшира 200 тыс. фр., то есть в целом 31 млн. фр. Иными словами, министры и высшие военные чины обходятся государству в сумму, превышающую $\frac{1}{6}$ часть всего годового дохода. Это не помешало, однако, назначению только в августе текущего года шести новых мюширов!

С другой стороны, громадные оклады высших военных чинов являются резким контрастом по сравнению с ничтожной оплатой служащих более низкого ранга. Так, например, мюдиры, или начальники административных районов, получают ежегодно в среднем лишь 30 тыс. пиастров (от 5 до 6 тыс. фр.); запти (всадники, входящие в состав иррегулярных войск и являющиеся вооруженной силой гражданской администрации, или полиции) получают лишь 160 пиастров (около 40 фр.) в месяц. На эти деньги они должны прокормить себя и коня, а также приобрести необходимое оружие.

Другим фактором, парализующим турецкие финансы, являются вакфы, сохранившиеся со времен эпохи завоевания Константинополя. Их до сих пор не коснулась еще ни одна реформа.

Слово «вакф» обозначает недвижимое имущество церкви (мечети), освобожденное от налогов и представляющее собой нечто вроде государства в государстве. Эти привилегированные владения приносят доход примерно в

Письмо восьмое

Константинополь, 6 октября

40 млн. фр., что, впрочем, далеко не отражает их действительной ценности, поскольку из-за плохого хозяйственного управления они приносят лишь незначительную часть прибыли, которую можно было бы выручить при более рациональном хозяйстве. Кроме того что казне наносится ущерб от необложения налогами церковных владений, вакф лишает государство законного дохода. Он распространяется на множество частных предприятий при помощи хитрой, всем известной уловки, практикуемой веками в Турции. Так, чтобы избежать грабежей или легального обложения налогами, турецкие подданные, как христиане, так и мусульмане, уступают на основании фиктивного договора свои владения вакфу. Он, конечно, принимает эти «дары» и оставляет их прежних владельцев в качестве пожизненных арендаторов за совершенно ничтожное вознаграждение.

Таким образом, за значительную часть прекрасных владений государственная казна совершенно не взимает налогов, и даже в наши дни в Константинополе имеется множество домов, принадлежащих не только туркам, но и европейцам, освобожденных от всяких налогов, так как официально они числятся за вакфом. Мне известен один дом, приносящий владельцу 20 тыс. фр. в год. Вакфу, собственностью которого считается дом, выплачивается ежегодно лишь 200 пиастров (33 фр.), что, конечно, равносильно полному освобождению от налогов.

Если бы мне пришлось писать труд о статистическом и политическом положении Турции, я мог бы назвать множество других причин, которые объясняют хаос, царящий в турецких финансах, и моменты, не дающие оснований надеяться на улучшение такого положения, поскольку они не носят характера временных затруднений и не вызваны внешними явлениями. Причина финансовых неурядиц коренится гораздо глубже, в нездоровой почве, которую всячески стараются украсить газонами и экзотическими цветами, чтобы придать ей видимость жизнеспособности.

Я обратил Ваше внимание на некоторые, особенно заметные черты, характеризующие нынешнее состояние турецких финансов.

В следующем письме я расскажу кратко о состоянии торговли в этой стране сейчас и 20 лет назад, когда я был в нее впервые.

В предыдущем письме я коснулся финансов Турции. Сегодня поговорим о ее торговле, причем я продолжу сравнение нынешнего положения вещей с прошлым. Пути сообщения являются первым условием для развития торговли и промышленности. В этом отношении я не обнаружил здесь каких-либо изменений, проехав, как и 20 лет назад, верхом на лошади по обширным необработанным, диким и малонаселенным районам страны. Как и прежде, здесь нет никаких дорог, не наблюдается даже стремления прорыть судоходный канал. Как и прежде, товары доставляются в тяжелых условиях, на вьючных животных, что вызывает большие расходы. Сельскохозяйственные работы производятся теми же варварскими сельскохозяйственными орудиями, которые еще 20 лет назад возбудили мое любопытство, погрузив юное воображение в поэзию первобытного мира.

Правда, сейчас усиленно поговаривают о проведении железнодорожных путей, что, несомненно, принесло бы огромные плоды. Однако за исключением небольших опытов, ничего существенного еще не достигнуто. Впрочем, строительством дорог ведают несколько европейских предприятий. Оно отнюдь не является инициативой правительства.

Как и 20 лет назад, торговля парализована варварским законом, по которому с каждой импортной сделки взимается 5%, а с каждой экспортной — огромная пошлина в 12%. Как и 20 лет назад, почти все административные должности, важные для развития торговли, промышленности и сельского хозяйства, являются объектом концессий или продаются с аукциона, несмотря на закон Гюльхане, опубликованный около 20 лет назад и обещающий полную отмену стеснительных сделок такого характера.

Ничто не может продемонстрировать так наглядно бессилие и неспособность турецкого правительства, как его готовность прибегнуть всякий раз к услугам иностранцев при осуществлении административных или финансовых мероприятий, от проведения которых оно надеется

получить выгоду. Таможенная концессия — наиболее яркое доказательство правильности этого утверждения. В Малой Азии правительство сдало в аренду две таможенные линии, идущие вдоль северного берега, от Константинополя (исключительно) до Батуми, и вдоль западного и южного побережья, от Измита до Мерсины (в Киликии, возле города Тарсуса). Северная линия была передана четырем лезантийским купцам, а линии западного побережья переданы другим семи купцам. Почти все купцы — подданные европейских держав, обосновавшиеся в Леванте. Концессия северной линии была отдана за 8 млн. пиастров (пиастр равен 4,5 фр.), тогда как правительству она приносила доход всего лишь в 3 млн. пиастров; западные и южные линии, приносящие правительству 23 млн. пиастров, — за 35 млн. пиастров. Концессионеры не имеют права изменять основы таможенной системы и должны выполнять операции по правилам, установленным турецким правительством; они могут надеяться на прибыли лишь в том случае, если улучшат работу машины, которая плохо работает у турок. Именно поэтому они стремятся прежде всего заменить персонал таможен служащими по собственному выбору, дают им более высокие оклады и тщательно следят за выполнением работы. Нет необходимости подчеркивать, что умнее новых руководителей неизбежно выявит все недостатки в работе таможенных учреждений страны.

Небрежность и продажность прежних турецких должностных лиц прикрывали эти недостатки. Поэтому трудности при выполнении коммерческих сделок значительно усилились: ничто теперь не ускользает от бдительного ока концессионеров, они безжалостно взимают пошлину в 12% с самой незначительной посылки из одного турецкого порта в другой. Это обстоятельство повсеместно задерживает развитие торговли.

То же, даже в большей степени, можно сказать о концессии на десятинный налог (ашар). Со страхом и трепетом ждет земледелец дня, когда чиновники должны проверить количество собранного им зерна в целях исчисления соответствующего налога. Крестьянам запрещено притрагиваться к зерну, сваленному после обмолота под открытым небом. Уборка зерна в амбары и осенний сев приостанавливаются до появления чиновников. Между тем в это важное для земледельцев время правительство

приступает к продаже с торгов права на взимание десятинного налога. Чтобы повысить цену на концессии, оно задерживает заключение контрактов. Часто концессионеры получают возможность приступить к работам лишь после начала осенних дождей, когда часть зерна уже порчена от сырости.

Каждый год возникают в той или иной степени такие затруднения, вызванные преступным равнодушием со стороны правительства к интересам деревенского населения. Как и 20 лет назад, я имел возможность наблюдать эту печальную картину. Так, в начале сентября, когда я направлялся из Амасьи в Самсун, бури равнодушия, наступившие в этом году раньше обычного, повредили пшеницу и ячмень, собранные в живописной и плодородной равнине Сулуовасы. Крестьяне со слезами смотрели на горестную картину, не смея укрыть свое добро от разбушевавшейся стихии: чиновники, которым надлежало взимать десятинный налог, еще не появились. Желая взвинтить цены, правительство приостановило заключение контрактов. Потери, понесенные вследствие этого, были весьма значительны. Они отражались одновременно на настоящем и будущем, так как из-за плохого урожая в прошлом году не удалось сохранить зерно к предстоящему посеву, для которого собирались использовать сбор текущего года. Откладывать же посев было невозможно ввиду позднего времени года.

Я не буду говорить Вам о разного рода препятствиях, которые, как и прежде, встречаются в других отраслях промышленности. Отмечу лишь, что вопрос о рудниках, имеющий жизненно важное значение, особенно для Малой Азии, находится сейчас в более плачевном состоянии, чем тогда, когда я подробно осветил его в ряде статей, помещенных (если не ошибаюсь, шесть лет назад) в «Revue des deux Mondes». К этим статьям я Вас и стсылаю, чтобы не повторять самого себя.

Уважаемый австрийский горный специалист господин де Полини, руководивший с редкой энергией и знанием дела работой всех шахт Османской империи, в конце концов не выдержал борьбы с варварством и интригами, на которые он натолкнулся. После его отставки шахты перешли в руки неопытных армян и греков, настолько запутавших дело, что теперь сам черт не разберет! Богатые залежи каменного угля на северном побережье между

Эргли и Амасей могли бы поставлять для турецких пароходов превосходное топливо и тем самым нанесли бы жестокий удар по конкурентам — австрийским и французским пароходным обществам. Они вынуждены привозить уголь издалека и очень хотели бы получить концессию на эти рудники, не приносящие правительству никакой пользы.

Однако все попытки добиться концессии со стороны Австрии, Франции и Англии оказались тщетными. Не решаясь передать концессию одной из названных стран, чтобы не вызвать недовольства других, Турция предпочла сама начать добычу каменного угля, хотя не была в состоянии обеспечить углем свои немногочисленные пароходы. Между тем во время войны одной английской компании удавалось снабжать турецким углем весь союзный флот.

А как разрабатываются угольные копи в настоящее время? Группы хорватов и черногорцев обращаются с просьбой работать за свой счет с обязательством продавать добытый уголь только правительству из расчета 3,5 пиастра за кантар¹². Получив разрешение, они наугад пробивают отверстия направо и налево. Когда после тысячи таких пробных операций, часто вредных для будущей разработки, им удается отделить поверхностный слой угля, они несут свою добычу турецким чиновникам. Если им удастся получить за нее деньги, они продолжают свои эксперименты до тех пор, пока не наталкиваются на какое-нибудь затруднение, преодоление которого требует хотя бы небольшого навыка и элементарных технических познаний. Этого обычно достаточно, чтобы вызвать у них отвращение к дальнейшим попыткам. Довольные ничтожным заработком, они бросаются искать счастье в другом месте. Если же турецкие чиновники задерживают выплату скромной суммы, установленной правительством, или же (это случается чаще всего) они предпочитают вообще ничего не платить за товар, бедняки, совершенно разоренные, разбредаются кто куда, выбирая подчас другое ремесло, более выгодное и требующее меньших затрат: воровство или разбой.

Приведенных примеров достаточно, чтобы доказать, что тяжелые условия, в которых находилась турецкая

¹² Кантар — мера веса, равная 100 кг. — Прим. перев.

внутренняя торговля и промышленность 20 лет назад, полностью сохранились и сейчас, несмотря на многократные обещания правительства ликвидировать огромные препятствия, обрекающие эти отрасли на умирание. Что касается внешней торговли, то она, конечно, достигла некоторого развития, несмотря на огромную пошлину в 12%. Однако этот прогресс вызван в первую очередь открытием пароходных линий, что опять-таки произошло по инициативе Европы, без сотрудничества с которой они немедленно пришли бы в упадок. Во всяком случае это слишком серьезный вопрос, чтобы на нем вкратце не остановиться. Я это и сделаю в следующем письме.

Письмо девятое

Константинополь, 10 октября

Сообщив Вам о плачевном застое в турецкой промышленности и внутренней торговле, я обещал написать несколько слов о пароходных линиях, которые создали известный импульс в турецкой внешней торговле. Не имея времени рассказывать о всех линиях, которые пересекают моря, омывающие обширные берега Османской империи, ограничусь лишь теми из них, что проходят по Черному морю. Именно там открывается новая эра для коммерческого и политического развития Турции в связи с введением системы двойного обслуживания: курсирующими французскими пароходами и русскими, которые скоро к ним присоединятся. Пароходная линия, обслуживающая побережье между Константинополем и Трабзоном, представлена в настоящее время судами, плавающими под тремя флагами: австрийским, турецким и французским. Английские пароходы прекратили рейсы: не получая государственных субсидий, они не могут выдержать конкуренции с компаниями, пользующимися таким преимуществом.

Только изредка можно наблюдать появление двух других пароходов, одного под английским, другого — под греческим флагом, в портах, регулярно обслуживаемых тремя упомянутыми державами. Каждая из них владеет тремя судами. Суда заходят в четыре порта: Инеболу,

Самсун, Гиресун и Трабзон (только австрийские суда заходят в Орду и Конжугас). В каждом из этих портов названные государства имеют свои агентства. Порты Самсун и Трабзон имеют наибольшее значение. В них пароходы принимают не только крупные товары, но и большое число пассажиров. Гиресун важен как пассажирский порт, поскольку основной товар, вывозимый из него, почти не отправляется на пароходах этой линии. Товар этот — орехи. Их культура так сильно развилась в Гиресуне и его пригородах, что в годы высокого урожая сбор орехов достигает 80 тыс. квинталов (4480 тыс. кг, учитывая, что местный квинтал равен 56 кг). Примерно половина указанного экспорта доставляется на парусных судах в Таганрог, Одессу, дунайские княжества и даже в Англию (в годы плохого урожая в Испании).

Вполне возможно, что русские пароходы, обслуживая эту отрасль торговли, извлекут для себя значительную пользу. Регулярное курсирование французских пароходов по Черному морю имеет для Франции чрезвычайно большое значение. Впервые трехцветный флаг обосновывается в бассейне Понта Эвксинского, где до сих пор он не представлял коммерческие интересы Франции. Его появление с самого начала отмечено большими успехами. Преимущества, полученные судами французской пароходной компании, превзошли все ожидания. Всюду, где они останавливаются, их явно предпочитают другим как в отношении удобств для пассажиров, так и для торговли.

Показательным является также тот факт, что большим успехом пользуются пароходы этой компании, дерзнувшие на Дунае соперничать с богатыми и старинными австрийскими пароходными обществами — Венское и Ллойд, обладающими примерно 200 пароходами, обслуживающими реку и ее притоки. Несмотря на колоссальную конкуренцию, французское агентство в Гиресуне во время моего пребывания там получило инструкцию не принимать товары для французских пароходов на Дунае, которые с трудом справлялись с грузом, поступающим сюда отовсюду.

Таким образом, в то время как по всему побережью Черного моря австрийские и турецкие пароходы всячески старались завоевать для себя предпочтение, снижая постепенно тарифы за провоз, французские пароходы не

только сохраняли их на прежнем уровне, но порой и повышали. Не подлежит сомнению, что Императорская пароходная компания обязана главным образом усердию, честности и деловитости своих агентов тем необходимым успехом, которым пользуются ее суда как на Черном море, так и на Дунае. Возможно, однако, что сыграли роль и симпатии к Франции.

Ввиду того что почти вся торговля и промышленность сосредоточены в руках райя (турецких подданных-христиан), следует ожидать, что перевес окажется на стороне той державы, которая больше всего привлечет на свою сторону турецких христиан либо воспоминаниями и перспективами, либо авторитетом национального характера и религиозных идей, либо, наконец, прелестью новизны, особенно действующей на христианских подданных Турции. Они полагают, что, утратив надежды и иллюзии в отношении какой-либо одной европейской державы, можно связать их с другой. Так, они уже знают, чего можно ожидать от Австрии, пользовавшейся до сих пор на Черном море почти исключительной монополией в области судоходства. Будущее для них уже не представляет ничего неизвестного, что могло бы поразить воображение как народов, так и отдельных лиц. Что касается Франции и России, то они до этого не выступали на берегах Понта Эвксинского в качестве торговых наций, пароходы которых обслуживали бы побережье регулярными рейсами. Именно поэтому турецкие христиане свяжут с этими странами новые для них надежды, которые не были осуществлены другими.

Соображения такого рода дают основание полагать, что русским пароходам на этой линии предстоит блестящее будущее, независимо от преимуществ, которыми они обладают наряду с французскими судами. Им будут благоприятствовать воспоминания последней войны¹³ и религиозные симпатии греческого населения, столь многочисленного и влиятельного на черноморском побережье. Однако России не следует обольщаться. Она сможет извлечь выгоду из нового и полезного предприятия лишь в том случае, если им будут руководить в основных портах между Константинополем и Трабзоном опытные и уме-

¹³ Восточная (Крымская) война — война Англии, Франции, Турции и Сардинии против России в 1853—1856 гг.

лые агенты со специальной подготовкой. Эти агенты должны в совершенстве владеть местными языками и пользоваться независимостью и уважением, которые на Востоке завоевываются личными качествами в совокупности с соответствующими денежными ресурсами.

Следовательно, эти служащие должны хорошо оплачиваться. Им надлежит заботиться в первую очередь о торговых интересах и, по возможности, не жертвовать ими ради политических. Последние будут автоматически обеспечиваться вслед за первыми, причем на Востоке всегда окажут предпочтение тем пароходам, которые готовы принять наибольшее количество товаров и пассажиров. А денежный фактор всегда играет существенную роль при выборе нужного парохода.

Французская компания прекрасно поняла важность этих соображений. Она выделила директору черноморской линии в Константинополе оклад в 35 тыс. фр., что вдвое больше оклада директора австрийской компании. С другой стороны, она назначила английского консула в Самсуне (управляющего также французским консульством) своим агентом в этом важном порту, где он вследствие своих качеств, оклада, получаемого от своего правительства, и энергичной поддержки со стороны английского посла в Константинополе пользуется особым влиянием. Этот выбор тем более удачен, что ввиду прекращения деятельности английской паровой линии консул может использовать все свое влияние в интересах французских пароходов.

Если в организации парового судоходства на Черном море Россия сумеет воспользоваться огромными материальными и моральными преимуществами, которые, к несчастью, были ранее ею утрачены, то можно без преувеличения сказать, что в тот день, когда волшебная сила пара помчит русские пароходы по водам Понта Эвксинского, а русские поезда по путям между морями Черным, Балтийским и Каспийским, Россия будет вправе отметить не только как одно из самых славных, но в конечном счете и наиболее благоприятных для нее событий — это потопление черноморского флота и разрушение грозной твердыни Севастополя.

Неоценимое значение этих двух катастроф заключается в том, что они разбудили погруженного в сон великана, показав, что для реального осуществления самых ве-

личественных замыслов он имеет возможность пользоваться оружием гораздо более эффективным и неотразимым, чем оплоты из гранита или человеческих тел.

Однако я замечаю, что в мечтах о волшебном действии пара умчался слишком далеко за пределы письма. Итак, я на этом сегодня беседу окончу и возобновлю ее в следующем письме. В нем постараюсь продолжить краткий анализ основных жизненных сил Османской империи, чтобы в конце концов ответить на вопрос, находятся ли они в состоянии развития или упадка.

Письмо десятое

Константинополь, 12 октября

Одна из страшнейших ран, разъедающих издавна дряхлое тело Османской империи, несмотря на указы правительства, обещавшие исцеление, — это порочная организация государственной машины. Не останавливаясь на вопросе, могут ли 30 администраторов с титулом «министра» управлять этой машиной, регулируя и облегчая ее действие, я постараюсь вкратце показать, насколько проведенные реформы сгладили дефекты этого причудливого аппарата. Начнем с крупных административных подразделений, называемых эялет, или пашалык, провинций (санджак) и уездов (каза). Эти округа, в организации которых нет ничего порочного, существуют, как и прежде. Однако наследственные права пашей аннулированы с изъятием из их ведения чисто военных вопросов. Так что в каждом эялете, где расквартированы регулярные военные части, имеются паша военный и паша гражданский.

Впрочем, во многих турецких провинциях, в частности в Малой Азии, войск значительно меньше, чем прежде. Так, до Восточной войны в азиатской армии насчитывалось от 25 до 30 тыс. воинов, сейчас же их всего 10 тыс. Правда, ни одна из турецких провинций так не пострадала от войны, как Малая Азия, поставившая больше всего рекрутов и потерявшая около 50 тыс. человек в результате кровавых боев под Кючюкдере, Башладеларом и Ахалцихе. Отмена наследственных прав пашей и разграничение их гражданских и военных обязанностей, —

пожалуй, единственная реформа, которую удалось осуществить из обещанных в 1839 г. основным законом Гюльхане и в 1856 г. Хатти хумаюном. Прочие остались для страны пустым звуком, а для Европы блестящей мистификацией. Как и в прежние времена, назначение на должность паши в Константинополе очень напоминает продажу с торгов. Между тем при выполнении своих обязанностей эти сановники находят, как и прежде, полный простор для произвола с той только разницей, что сейчас они не имеют права лишать человека жизни. Однако они могут сделать эту жизнь невыносимой и даже горше смерти. Паши оплачиваются щедростью, не известной в Европе. Кроме непомерно высокого оклада, паши извлекают в соответствии с законом весьма существенные прибыли. Так, например, им разрешается взимать 5% от стоимости всего, что является объектом процесса, причем, вопреки справедливости, налог выплачивает им выигравшая, а не проигравшая сторона. Законный доход паши представляет собой лишь незначительную часть того, что он получает от своей провинции незаконно. Так, назначение мюдиров (начальников уездов и округов) является для их превосходительств обильным источником наживы. При этом дело идет о столь обычном, будничном явлении, что в некоторых пашалыках сумма этой скандальной ренты так же хорошо известна, как доход, поступающий с каково-нибудь поместья или фермы.

Например, эрзурумскому паше приписывают годовой доход в 4 млн. пиастров (примерно 800 тыс. фр.), который складывается из сумм, вносимых для него в разных случаях и под различными предлогами 61 мюдиром подчиненного ему пашалыка. Это составляет в среднем свыше 60 тыс. пиастров с каждого. Вместе с тем оклад мюдира не превышает в среднем 30 тыс. фр. Из сказанного ясно, что эти господа должны в свою очередь возмещать в другом месте обязательные расходы, произведенные на подарки своему начальнику, который в качестве мюшира, или трехбунчужного паши, получает ежегодно оклад 200 тыс. фр. С другой стороны, если при скромном окладе низшие чиновники считают своей обязанностью снабжать начальника средствами, намного превышающими их собственные, легко заключить, что они видят в этом молчаливое указание на необходимость искать нужные средства на стороне. Также поступают и паши по отношению

к правительству, когда оно требует с них суммы, превышающие законные сборы в провинциях.

Так, правительство извлекает из дохода, получаемого пашалыком Амасьи с поземельной подати (сальяне), Osborne суммы на расходы, не имеющие отношения к упомянутой провинции, как, например, на оплату жалованья армейскому корпусу, стоящему в Эрзинджане, содержание рудников в Токате и т. д. Все эти экстренные ассигнования имеют лишь одно неудобство: сальяне пашалыка Амасьи приносит 3 млн. пиастров, между тем как правительство требует 7 млн. Паша, привыкший читать между строк, знает, конечно, как поступать, когда дело идет о приказе, цель и причину которого он понимает лучше всех. В результате солдаты армейского корпуса в Эрзинджане не получают жалованья вот уже 26 месяцев. Это, однако, не отражается в бюджетных ведомостях, ежегодно представляемых его императорскому величеству с указанием, что эта статья расхода полностью покрыта пашой Амасьи.

Мне было бы легко написать толстую книгу с перечислением всех административных махинаций, должностных преступлений и вымогательств, которые я наблюдал в течение десяти лет и которые всем известны и в общем не порицаются в Константинополе. Они являются естественным и неизбежным следствием вековой системы, неизменно сохраняющейся в тысяче различных видов. Нельзя тронуть ни одного звена этой цепи, не разорвав ее всю, пошатнуть хотя бы одну колонну, не разрушив всего здания.

Перейдем теперь к одному из самых острых вопросов современности, который послужил предлогом к кровавой войне, закончившейся парижским трактатом. Я имею в виду проблему христианских подданных империи, которым последними указами было обещано полное равенство с мусульманами перед законом и участие в управлении страны.

Для осуществления этого обещания были учреждены муниципалитеты (меджлисы), о которых много говорили в Европе, не отдавая отчета в реальном характере этого органа в самой Турции и довольствуясь собственным толкованием термина. Вы увидите, что и в этом вопросе, как почти во всех других, относящихся к Востоку, наш прекрасный Запад находится в полном заблуждении.

В главном городе любой провинции имеются два муниципалитета: тиджарет меджлис, или коммерческий суд, и меджлис кебери, или великий совет. Первый разрешает разногласия, возникшие между турками и христианами, иностранными подданными. Он состоит из шести членотурок, назначенных пашой, и председателя, тоже турка, назначенного ферманом Порты. В каждом случае при рассмотрении дела, возникшего между иностранцем и османским подданным, суд предлагает совету, в ведении которого находится первый, прислать четыре, пять, редко шесть лиц по его выбору, чтобы решить вопрос большинством голосов совместно с турецкими членами суда. Как очевидно, даже в тех случаях, когда суд допускает к участию в процессе шесть христиан, большинство голосов заранее обеспечено за мусульманами.

Однако среди всех учреждений, порожденных реформой, институт коммерческих судов наименее порочный. Он может иной раз действительно оказать услугу, но только потому, что он непосредственно касается подданных европейских держав, которые, особенно великие, всегда знают, как оказаться правыми. Маленькие же державы порой приносятся в жертву, если великие считают это необходимым. Иначе обстоит дело со вторым видом муниципалитета, т. е. с «меджлис кебери», в котором мусульмане имеют дело только с христианами, турецкими подданными, и где не нужно опасаться вмешательства со стороны европейских держав.

Между тем эти мнимые национальные представительства зиждутся на следующих принципах. В каждой местности райя (турецкие подданные — христиане) представлены не в соответствии со своей численностью, а лишь по числу существующих в ней обрядов. Так, местность, населенная 6 тыс. армян и 20 греками, имеет в меджлисе только двух представителей: один представляет армянский обряд, а другой — греческий. Ввиду того что у христиан, подданных Турции, имеется только три обряда (евреи все еще никак не признаются) — греческий, армяно-грегорианский и армяно-католический, в каждом муниципалитете может быть только три члена-христианина, независимо от численности представляемого ими христианского населения.

С другой стороны, все главные чиновники являются по закону (без избрания) членами меджлиса. Потом следу-

ют члены-турки, избранные мусульманским населением. Из этого вытекает, что как бы ни было многочисленным христианское население, представленное членами меджлиса, подавляющее большинство непременно принадлежит мусульманам. При этом даже в тех случаях, когда местное население (например, в Айвазлы и на некоторых островах Архипелага) состоит исключительно из христиан, последние никогда не смогут иметь больше трех представителей. Чиновники — все мусульмане — куда более многочисленны, они всегда будут в большинстве.

Приведем пример: в городе Гиресуне из общего числа в 12 тыс. жителей — 2 тыс. мусульман. Остальные (армяне и греки) христиане. Последние, конечно, имеют только двух представителей, тогда как у турок их семь, а именно: каймакам (как глава администрации), хазинедар (казначей), муфтий (глава местного духовенства), кади (судья) и три члена, избранные турецким населением. Одного только этого примера достаточно, чтобы составить представление о призрачном характере представительства христиан в меджлисе.

Однако обман становится совсем шутовским, когда ясно отдаешь себе отчет в глубокой деградации, к которой привели христиан столько веков рабства и унижений. Деморализация настолько велика, что если бы число христиан оказалось равным числу турок, христиане и тогда пребывали бы в состоянии неподвижных и немых мумий в присутствии паши или каймакама — их автоматических председателей, от которых полностью зависит положение христиан в настоящем и будущем.

Мне бы очень хотелось открыть глаза нашим государственным мужам и журналистам, которые с восхищением говорят о новых условиях, созданных в Турции для райя. Если бы только они могли, как я, присутствовать на одном из представительных собраний, не в местности близ Константинополя, где имеются иностранные консулы, присутствие которых всегда оказывает известное влияние, но в провинциальном городе, куда голос столицы доходит лишь до ушей тех, которым важно скрыть его, и где выспренные и либеральные указы султана являются в известном роде мифом, — они бы увидели там две или три жалкие личности с опущенными глазами и руками, прижатými к коленям, сидящих на корточках внизу эстрады или возле дивана, на котором удобно разместилось мно-

жество толстых турок. Последние обсуждают местные вопросы и бросают время от времени властный взгляд на скромных собратьев, которые спешат ответить либо почти-тельным кивком, либо застенчивым возгласом «эвет эффенди» («да, господин!»). Право, лучшего зрелища не придумаешь для наших иллюстрированных журналов!

Мы ознакомились с характером того представительства, которым преобразовательные указы одарили христиан. В следующем письме мы побеседуем о том, что представляет собой в действительности равенство христиан с мусульманами, которым они якобы пользуются.

Письмо одиннадцатое

Константинополь,
13 октября

Среди торжественных обещаний, которые были даны христианам в указах Порты, нужно отметить разрешение служить им в армии и, следовательно, отмену хараджа — подушного налога, взимавшегося с них за то, что они не допускались в армию, а также признание за ними права давать показания в судах. Посмотрим, как эти обещания выполнены.

Харадж действительно отменен, но тут же заменен другой, гораздо более тяжелой повинностью. Считается, что она ложится лишь на христиан, желающих избежать рекрутского набора, и потому является необязательной. Так гласит новый закон, и это совершенно справедливо. В действительности, факты показывают иное.

Известно несколько случаев, когда отдельные райя, побуждаемые нищетой, решались испробовать новую рискованную карьеру, открывшуюся перед ними в соответствии с Хатти хумаюном. Они обратились с просьбой включить их в рекрутский набор. Однако соответствующего разрешения на это они не получили, несмотря на ясный смысл указа султана. Власти на местах каждый раз отклоняли такие ходатайства с удивлением и раздражением, характерными для людей, не желающих понять, что им говорят. Впрочем, христиане редко запрашиваются

на такой отказ, зная прекрасно, что в рядах армии они были бы париями, которым закрыт всякий доступ к малейшему повышению по службе.

Турецкий военный, услышав, что он мог бы оказаться под начальством генерала или полковника из числа армян или греков, умер бы со смеху. Такая гипотеза была бы настолько нелепа, что сами райя, услышав о ней, невольно разделили бы веселость турецкого военного, подобно лакею, который не мог бы удержаться от смеха при мысли, что он сел в экипаже на место барина, а тот занял его место на запятках.

Одним словом, христиане, как и прежде, совершенно отстранены от службы в армии. Особенно смешным, а еще более жестоким является то, что обнародование указа султана, сулившего допустить в ряды армии христиан, привело к введению налога, уплачиваемого во избежание военной службы: харадж в худшем случае исчислялся скромной суммой в 30—40 пиастров с человека, тогда как новый налог достигает 300—400 пиастров.

Итак, вопреки торжественным обещаниям, сохранены все препятствия, мешающие христианам — турецким подданным — стать на равную ногу с мусульманами. Но может быть христиане получили, наконец, право выступать в суде как лица, слово которых имеет моральный вес? Иначе говоря, принимаются ли их показания в суде, согласно объявленному указу султана? Теоретически — да, практически — нет, так как я сам имел случай не раз настаивать перед каймаками и пашами на показаниях, представленных христианами и отвергнутых кадием. Как паши, так и каймаки, отвечали мне с изысканной вежливостью, что кади не прав, они напишут об этом в Константинополь, но что они не могут без унижения достоинства мусульманского судьи заставить его пересмотреть приговор, который он счел нужным вынести.

Все это, вероятно, Вас удивит, и Вы, пожалуй, спросите, как же можно, чтобы столь торжественные обещания, провозглашенные в Хатти хумаюне перед лицом всей Европы и гарантированные европейскими державами, остались невыполненными? Так слушайте же, и Ваше удивление возрастет, когда Вы узнаете, что этот пресловутый указ гораздо более известен в Европе, чем в стране, где ему надлежало открыть новую эру. Имеется ряд провинций, где местная высшая власть, которой было

поручено ознакомить с ним население, воздержалась от этого. Так случилось, например, в большом азиатском городе Эрзуруме.

Что же там произошло? Лишь после подписания парижского договора Хатти хумаюн, обнародованный в Константинополе за несколько месяцев перед тем, был официально передан паше Эрзурума (им в то время был Ведхи-паша, занимающий теперь ту же должность в Салониках) с приказом обнародовать его во всей провинции. Его превосходительство немедленно вызвал к себе двух турок, членов меджлиса, которые пользовались его наибольшим доверием. На этом тайном совещании было решено, что документ, компрометирующий достоинство османского правительства, не может быть предан огласке. Затем он вызвал двух христиан — членов меджлиса: армяно-грегорианского и армяно-католического архиепископов, дал им прочесть указ султана и передал каждому по копии со словами, что им надлежит ознакомить с этим августейшим документом своих единоверцев. В этом случае, добавил паша, он не будет отвечать ни за их собственную жизнь, ни за жизнь тех, кто составляет их паству. Конечно, оба прелата, дрожа от страха, низко поклонились в молчании и отправились к себе, чтобы спрятать опасный документ; само собой разумеется, они ничего не сказали о нем христианам. Однако благодаря либеральным принципам и благородной деятельности английского консула г-на Бранта несколько копий указа, снятых в его канцелярии, дошли до населения. Это была частная инициатива, и она произвела незначительное впечатление на христиан. Видя, что она не поддержана законной властью, они подумали, что стали жертвой новых иллюзий.

С другой стороны, неофициальной огласки, которую получил документ, оказалось достаточно для того, чтобы еще более ожесточить турок, увидевших в этом факте бесосновательное вмешательство иностранца, действующего по собственному почину и публично осужденного молчанием пашы. В результате робкое соглашение, которое было достигнуто и начало проявляться в Эрзуруме между мусульманами и райями, вновь сменилось старой враждой. С этого времени как кади, так и меджлис старались уклоняться от всего, что могло бы оправдать надежды христиан. И всякий раз, когда христианам следовало да-

вать показания в суде, они уверены были, что им не удастся этого сделать.

Я не стану умножать число примеров, доказывающих, что высокопарные обещания реформ не были осуществлены ни в отношении христиан, ни в отношении формирования администрации.

Мне остается изучить вопрос о мерах, принятых против разбоя и хищений, столь обычных на Востоке. Наличие этих явлений совершенно исключает всякое представление о социальном порядке, свободе и цивилизации.

Оставляю за собой право осветить эту тему в следующем моем письме.

Письмо двенадцатое

Константинополь,
14 октября

На основании всего рассказанного мною в предыдущих письмах относительно нынешнего состояния турецких финансов и характера администрации, Вы могли уже априори заключить, что прогрессивное движение в общественной жизни страны не проявляется сколько-нибудь ощутимо. В самом деле, с тех пор как я пересекаю в различных направлениях прекрасные, но пустынные азиатские провинции империи, я ни разу не заметил какого-либо усиления предупредительных или репрессивных мер со стороны государства. Наоборот, 20 лет назад, когда я проезжал по Сирии, находившейся под энергичным управлением вице-короля Египта, знаменитого Мухаммеда Али (который, если бы не вмешательство России, быть может уже обосновался бы в Босфоре, во дворце султана), я отметил про себя, что эта провинция пользовалась безопасностью, которой в настоящее время не существует. Страх, внушаемый одним именем Ибрагима¹⁴, охранял население, защищал его от арабов-кочевников. Но с тех пор, в результате вооруженного вмешательства европейских держав, Сирия вновь попала в немощные руки османского

¹⁴ Ибрагим — сын египетского правителя Мухаммеда Али (1805—1849), одержавший ряд побед над турецкими войсками.—
Прим. перев.

правительства. Анархия вернулась вместе с турецкими чиновниками.

В Малой Азии эта анархия в течение последних лет все более и более увеличивалась. В ряде статей, напечатанных ранее мной в журнале «La Revue des deux Mondes», я указывал на плачевное состояние христианского населения (состоящего главным образом из армян) провинций Кайсери, Сиваса и Бозока, постоянно опустошаемых авшарами. Так вот в этом году я имел возможность отметить то же явление в Армении, где курды грабят и всячески притесняют население с наглостью, нарастающей с каждым днем. Их грабежам благоприятствует не только бессилие местных властей, лишенных каких-либо средств для пресечения этих хищений, но и часто преступное потворство им.

Приведем только один пример из тысячи подобных. В пашалыках Амасьи и Йозгата расположились лагерем несколько курдских племен. Их вожди Яя-бей и Халиль-бей хорошо известны всем как виновники разбойничьих набегов, которые совершаются часто в этих районах. Однажды начав совершенно открыто и с недопустимым легкомыслием заниматься этим преступным промыслом, Яя-бей мог в конце концов скомпрометировать пашу Сиваса, под началом которого находился. В результате его превосходительство счел благоразумным посадить Яя-бея на несколько недель в тюрьму. Эта мера действительно оказала на него желаемое воздействие. Яя-бей стал более осмотрительным, караваны с тех пор задерживаются им только в пустынных местах (которых немало в этой области), и больше не увидишь этого героя, лично руководящим операциями по грабежу. Такая предосторожность в случае необходимости дает ему возможность отрицать личное участие в деле и сослаться на то, что ему о ней ничего не известно.

Что касается его боевого товарища Халиль-бея, то тому удалось еще более ловко обделать свои делишки. Находясь лет 10 назад в константинопольской тюрьме по обвинению в грабежах и убийствах, ему не только удалось получить свободу по просьбе старой армянской матроны Мариам, пользующейся большим авторитетом в султанском гареме, но и добиться присвоения чина «капуджи башы». И все это было сделано в благодарность за то, что он указал правительству на существование богатых

залежей золота, которые, по его словам, следует искать в окрестностях Униа. Нечего и говорить, что эти залежи так никогда и не были найдены. Однако это не помешало ловкому жулику вернуться домой окруженным всякими почестями и стать вскоре любимцем йозгатского пашы (Хайреттин-паша, бывший министр полиции в Константинополе), который пожаловал ему чин «кыр сердар», иначе говоря назначил начальником полиции йозгатского пашалыка.

С тех пор прославленный разбойник выполняет свои обязанности с большой выгодой для всех, кроме несчастного населения. Паша Амасьи мне рассказывал, что у него нет никакой возможности защитить свою провинцию от незаконного вмешательства в дела со стороны этого должностного лица новой формации. Каждый раз, когда курды бывают уличены в воровстве или грабежах, произведенных на территории пашалыка Амасьи, Халиль-бей находит способ доказать, что грабители принадлежат к населению йозгатской провинции, и как начальник полиции этой провинции всячески их защищает. Вот какая безопасность царит в районах, сравнительно близких от столицы (Амасья, Токат и т. д.). На основании сказанного Вы можете представить себе, что происходит в более отдаленных провинциях.

В последних шести письмах я дал краткий обзор состояния, в котором находятся в Турции финансы, администрация, торговля, описал условия жизни турецких подданных-христиан и, наконец, коснулся вопроса общественной безопасности. Я сравнил Османскую империю, которую изучал в течение 10 лет, с той Турцией, которую увидел теперь после окончания Восточной войны и провозглашения Хатти хумаюна. Меня интересует, к какому естественному, беспристрастному заключению Вы пришли, ознакомившись с этими краткими очерками. Боюсь, что оно, в общем, сводится к следующему: начиная с 1839 г., когда был обнародован основной Гюльханейский закон, значительно обновленный и дополненный Хатти хумаюном, почти ни одно из торжественных обещаний правительства фактически не выполнено.

Приняв внешне новые формы, Османская империя осталась по существу такой же, какой была 22 года назад, а в некотором отношении находится в более худшем состоянии. Конечно, время, которое все сглаживает и урав-

нивает, в конце концов смягчило и сгладило отдельные шероховатости на социальном здании Турции. Но столь инертная полировка отнюдь не является следствием творческой деятельности человека. Это утес, который перестал наносить ранения своими острыми и угловатыми гранями не вследствие искусственной обработки, а потому, что камень постепенно превращается в пыль.

Например, турецкие подданные живут теперь в большей безопасности и гораздо меньше страдают от фанатизма и насилия мусульман. Однако разве это следствие мнимых реформ, столь торжественно обещанных и так неполно выполненных? О совсем нет! Такое улучшение является естественным следствием, с одной стороны, падения османской гордыни в результате страшных поражений, а с другой — медленного, но неизбежного роста материальных ресурсов, благосостояния и даже численной силы райя. Это явление рано или поздно должно было усилить к ним доверие и уважение со стороны победителей, которые будут ежедневно убеждаться в ценности услуг, оказываемых побежденными. Во всяком случае это улучшение не сможет выйти за известные пределы и остановиться перед преградами, которые, конечно, не рухнут под влиянием только одного времени.

Убедившись, что обещанные правительством реформы почти не осуществлены, Вы, быть может, хотели бы узнать, не принесли ли предпринятые полумеры больше зла, чем добра. Такой вопрос обычно ставят больному, подвергшемуся длительному, но бесполезному лечению и состояние которого хотелось бы видеть по крайней мере не ухудшившимся. На этот вопрос я постараюсь дать ответ в следующем письме.

Письмо тринадцатое

Константинополь,
15 октября

Если преобразовательные постановления, обнародованные турецким правительством в течение 20 последних лет, дали положительные, но весьма незначительные результаты, то, с другой стороны, они имели и некоторые пе-

чальные последствия. Укажу, например, хотя бы на два следующие.

I. Указы не были использованы в стране в целях полного отказа от существовавшей ранее практики ведения дел. Вследствие этого вместо коренного переустройства государственной машины по новому плану произошло лишь ее доукомплектование новыми механизмами. Таким образом, лица, приводящие в действие в своих интересах эту обремененную несовершенными механизмами машину, пользуются теми или другими из них, а страна вместо жестокого угнетения в прошлом получила печальное утешение видеть себя притесненной то во имя основного Гюльханейского закона, то во имя Хатти хумаюна.

Поскольку мой труд, напечатанный в «La Revue des deux Mondes», содержит много примеров, иллюстрирующих эту печальную аномалию, я ограничусь здесь приведением только одного факта. Мне не хотелось излишне выделять его, когда я печатал статьи в упомянутом журнале, так как считал, что факт этот — явление временное. Однако я вновь обнаружил его в этом году, при этом в полном расцвете. Я имею в виду вопрос о деребеях (буквально «князьях долин»).

Этот вопрос уже давно волнует провинцию Джаник, главный город которой Самсун. Чтобы лучше нарисовать всю картину, необходимо привести некоторые исторические данные. После вторжения османов в Малую Азию некоторые местности провинции Джаник были захвачены смелыми и энергичными авантюристами под поместьем для султанов. Эти авантюристы получили в те времена известность под названием деребеев. По мере ослабления центральной власти они распространяли свою деятельность почти на всю провинцию. Будучи не в состоянии лично извлечь выгоду из этих колоссальных владений, они заключили договор с райя, уступив им за умеренную плату пользование дикими заброшенными землями. Хотя христианам нередко приходилось страдать от произвола своих господ, им удалось в конце концов превратить места, покрытые непроходимыми лесами и болотами, в прекрасные урожайные районы. Осуществляя план ликвидации опасных вассалов, парализующих его власть, султан Махмуд аннулировал в 1849 г. привилегии, которыми пользовались деребеи. Он объявил особым указом, что система обложения, недавно установленная в других рай-

онах Османской империи, распространяется также на провинцию Джаник.

По новому режиму, предполагавшему отмену прежнего, так же как и возврат государству земель, узурпированных деребеями, христиане, естественно, должны были считать себя свободными от обязательств в отношении деребеев и прийти к выводу, что отныне они зависят только от правительства, которому надлежит платить десятинный налог, а также прочие только что введенные налоги.

Действительно, в течение девяти лет они мирно пользовались в качестве законных владельцев землями, отнятыми у захватчиков-деребеев, как вдруг потомки этих некогда могущественных вассалов, носящих ныне, однако, весьма скромный и ничего не значащий титул «ага», потребовали от христиан прежней арендной платы, как будто новый, введенный султаном Махмудом порядок вовсе не существует. Они даже прибегали к угрозам и насилью, чтобы согнать с земли тех христиан, которые не желали подчиниться их требованиям. Отсюда возникли многочисленные процессы, слушание которых в Константинополе прервала война.

Наконец, был издан закон Хатти хумаюн. Так как Самсун находится близ столицы, пришлось торжественно обнародовать его в этом городе. Райя приветствовали указ, как весть об освобождении. Они полагали, что навсегда избавились от своих притеснителей. Однако это было не так. Правительство, создав во всей империи муниципалитеты-меджлисы, обратилось в самсунский муниципалитет с требованием представить доклад по этому вопросу. Так как аги были членами меджлиса, они оказались судьями в собственном деле. В результате они добились с помощью великого везира Решид-паши фермана, признающего справедливыми претензии потомков деребеев. Согласно ферману, христиане как по прежнему, так и новому положению, якобы заменившему прежнее, подлежат обложению и, следовательно, должны уплатить агам недоимки за девять лет. Паше Джаника (Осман-паше) было поручено выполнение столь неслыханного фермана. Он проявил при этом столько усердия, что через несколько месяцев множество райя, не имевших возможность удовлетворить подобные требования, столь же несправедливые, как и непомерные, было избито палками и брошено в тюрьмы. Имущество у них было отобрано. Так что ныне

существование населения, примерно в 80 тыс. душ, находится под угрозой.

Затравленные, как дикие звери, несчастные тщетно искали справедливости у правительства. В полном отчаянии несколько сот райя собрались 21 июня перед домами консулов Англии, России и Австрии, прося о защите. Консулы обещали снестись с дипломатическими представителями в Константинополе и с трудом успокоили несчастных, не желавших расходиться из-за страха перед запятыми паши.

Так обстояло дело, когда я 4 октября уезжал из Самсуна. Мало вероятно, чтобы оно благоприятно закончилось для христиан. В него не вмешиваются сколько-нибудь энергично представители европейских держав в Константинополе, предпочитая отмалчиваться в отношении интриг и софизмов, выдвигаемых адвокатами старого порядка в пользу потомков деребеев.

Вот, например, один из таких софизмов, который, если бы он попал в европейскую печать, мог бы ввести в заблуждение общественное мнение. Заявляют, будто указы, по которым были аннулированы привилегии деребеев, не должны были распространяться на собственность, обеспеченную им дарственными актами султанов. Христиане, которым вассалы Порты уступили за плату пользование землей, должны считаться лишь арендаторами. На это можно ответить двояко. Прежде всего, было бы невозможно или по крайней мере чрезвычайно трудно провести в наши дни различие между землями, полученными некогда деребеями от султанов, и теми, которые они захватили незаконно. Поэтому указ султана Махмуда может иметь целью лишь окончательное упразднение прежнего порядка вещей и признание законными владельцами райя, которые в течение нескольких веков обрабатывали и значительно расширили все эти земли. Второе замечание, окончательно опровергающее аргументы адвокатов деребеев, сводится к следующему: если допустить, что райя, о которых идет речь, должны рассматриваться сейчас как простые арендаторы, то их нельзя облагать земельным налогом (сальяне), взимаемым только с землевладельцев. Но правительство настаивает на уплате этого налога. В результате одни и те же лица облагаются налогом и как владельцы земли, и как не имеющие ее в зависимости от того, какую систему они пожелают применять — новую или старую!

II. Невыполнение торжественных обещаний вдвойне порочно: с одной стороны, это вызывает неоправданное раздражение турок, которые усматривают в них хотя бес- сильные, но все же одиозные происки врагов ислама в пользу христиан, а, с другой стороны, невыполнение обе- щаний обескураживает последних и подрывает среди них доверие к европейским державам. Это относится в первую очередь к Хатти хумаюну, который в глазах христиан — турецких подданных — являлся результатом кровавой войны, предпринятой, как им говорили, в интересах цивили- зации и христианства.

Однако слишком долго обманывать народы всегда опасно. Вот одно из неприятных последствий новой мисти- фикации: совершенно не желая того, союзники сами выз- вали реакцию, благоприятную державе, преобладающее влияние которой на райя они стремились ослабить. Есте- ственно, что после многих разочарований в своих ожида- ниях райя теперь более чем когда-либо предпринимают всякого рода усилия, чтобы избавиться потихоньку от того ига, сбросить которое силой они уже не надеются. После недавнего крестового похода в интересах полумесяца они убедились, что их тюремщиками отныне являются сами христианские державы. Отсюда лихорадочное стремление заручиться русскими паспортами. Со времени последней войны оно повсеместно овладело населением черноморского побережья.

Турецкие власти тщетно стараются пресечь его угро- зами и наказаниями.

Не входя в обсуждение вопроса о том, не относится ли порой русское правительство слишком легко к предостав- лению своего покровительства, воспользовавшись которым в некоторых случаях весьма затруднительно, уместно спро- сить, имеет ли право держава наказывать одного из своих подданных за самовольное решение перейти в другое под- данство как за преступление? Конечно, нет! Единственно, что можно посоветовать правительству, опасющемуся таким образом потерять часть своих подданных, это не ставить их в положение, при котором они вынуждены искать поддержку у иностранного государства. К тому же ни одна из европейских держав никогда не преследова- ла и не сажала в тюрьмы своих подданных ради того, чтобы помешать им принять подданство соседнего государ- ства.

Турция в этом отношении находится в исключительном положении. Из него ей никто не может помочь выйги, кроме нее самой. Средства, которые европейские державы хотели бы предоставить в ее распоряжение, только ухуд- шили бы дело. К тому же райя сочли бы их за своих угнетателей: Англия как-то раз попала в такое фальшивое положение, разрешив своим агентам играть при турецких властях нелепную для них роль шпионов — донснить на райя, желающих получить русский паспорт.

Напрасно говорят, защищая Турцию, что если ее хри- стиане стремятся переменить подданство, то это лишь для того, чтобы воспользоваться исключительными усло- виями, в которых находятся иностранцы в Османской им- перии. Кто же виноват в том, что эти условия существуют и в наши дни? Зачем Турции чисто номинальная честь участия в великой конфедерации независимых европей- ских держав, если она не сумела освободиться от унизи- тельных капитуляций, заставляющих ее предоставлять иностранцам привилегии, в которых европейские державы отказывают турецким подданным? Ясно, что пока ей не удастся изменить свою позицию в отношении других дер- жав, она должна будет переносить все вытекающие отсюда последствия и признавать на основе взаимности и равенст- ва аргумент России, которая вправе заявить, что, предо- ставляя паспорта турецким гражданам, она делает лишь то, что Турция вольна делать в отношении русских под- данных.

Это смешно, но логично. Впрочем, у России имеется и другой аргумент, ибо она может напомнить осман- скому правительству о предоставлении с его стороны по- кровительства мятежникам на Кавказе. В самом деле, с каждым судном, идущим из Трабзона, прибывают чер- кесы с удостоверениями личности, выданными им турец- кими властями. Последние, выдавая удостоверения, даже не спрашивались предварительно у черкесов, имеют ли они паспорта, соответствующие их подданству. Более того, с тех пор как Россия лишилась черноморского флота, Тур- ция открыто покровительствует гнусной торговле рабами. С ее разрешения рабов высаживают на северном побере- жье Малой Азии, где местные власти снабжают их удо- стоверениями, подтверждающими их турецкое подданство. Затем их направляют в один из портов побережья, куда заходят австрийские, французские и турецкие пароходы.

Они, естественно, не могут не принять на борт пассажиров, чьи документы в порядке, и перевезти их в Константинополь либо в другое место, в зависимости от «спроса».

В результате этих уловок русские консулы в портах, куда прибывают эти мнимые турецкие подданные, никак не могут юридически констатировать обман. Хотя им все прекрасно известно, их роль сводится к безмолвной регистрации числа черкесов, ежедневно снующих перед глазами.

В бытность мою в Самсуне сам паша (Осман-паша) купил на глазах у всех молодую девушку у торговцев черкесов, прибывших в этот город с турецкими паспортами. Любопытно отметить, что примерно за четыре мили от Амасьи находится деревня Куту, населенная одними черкесами. Их роль сводится к организации в крупном масштабе этого преступного промысла на Кавказе. Дабы заручиться неистощимым питомником, они не довольствуются товаром, который могут сбывать тотчас по получении, и применяют систему конских барышников, покупавших для нужд конских заводов животных, мало пригодных для непосредственного сбыта. Так, колония живого товара в Куту весьма охотно принимает лиц обоего пола, с трудом могущих привлечь выгодных покупателей, но годных как «жеребцы» и «кобылы» для продолжения породы. Их спаривают и ждут, пока дети приобретут качества, необходимые потребителям или спекулянтам, приезжающим на эту фабрику живого товара, чтобы приобрести его для себя или для императорских гаремов.

Мы видим, таким образом, что образ действий османского правительства при предоставлении паспортов русским подданным более преступен, чем тот, в котором упрекают Россию в отношении турецких подданных. Турки покровительствуют торговле, которую христианские народы обязались пресечь силой. Лица же, бежавшие с Кавказа, принадлежат народу, с которым Россия ведет войну. Международное право разрешает России задерживать черкесов, пытающихся проникнуть обманным путем в соседнюю страну. Между тем османское правительство не имеет никакого основания обращаться, как с преступниками или изменниками, с теми своими подданными, которых оно могло бы обвинить лишь в желании сменить подданство. Несмотря на это различие, Россия не может осуществить свое право, не затрагивая внешних форм законности. Она

вынуждена терпеть подобное неудобство, довольствуясь в качестве утешения ироническим советом: «Охраняйте лучше ваши берега, если можете!»

Почему бы ей не сказать в свою очередь Турции: «Обращайтесь лучше с вашими подданными, чтобы у них не родилось желание стать русскими!» Или еще: «Лишите привилегий иностранных подданных в вашей стране, чтобы они не служили приманкой для ваших же собственных подданных».

Однако довольно на сегодняшний день. В следующем письме я изложу последствия, вытекающие для Турции из ее нынешнего положения.

Письмо четырнадцатое

Константинополь,
16 октября

Принимая Турцию в великую семью на началах полного равенства и без каких-либо условий, державы, подписавшие этот торжественный акт¹⁵, поставили себя перед плачевной альтернативой: не выполнять данное ими обещание или, выполняя его, объявить недействительным все, что ценой величайших жертв они, по их мнению, сделали ради цивилизации Турции. В самом деле, если Османская империя поставлена на равную ногу с европейскими державами, т. е. если она по отношению к ним находится в том же положении, что и каждая из них в отношении другой, Европе остается сделать только одно: терпеливо ждать выполнения реформ, обещанных независимым монархом, который никому не должен давать отчета о внутреннем положении страны и не может быть понуждаем силой следовать по пути, который считает не подходящим для себя.

Но, как мы видели, обещанные реформы не были выполнены, да и мало надежды на их выполнение вследствие причин как материального, так и морального характера... Европе следует принять как печальную необходимость тактику вынужденного лицемерия, применяемую осман-

¹⁵ Имеется в виду Парижский мирный договор 1856 г. — Прим. перев.

ским правительством, которое все обещает, но ничего не выполняет. Это можно наблюдать каждый день в Константинополе в отношениях между представителями европейских держав и турецкими министрами.

Донимаемая постоянными замечаниями и советами этих господ, Порты уже давно решила философски смотреть на вещи и делать вид, что готова идти навстречу европейцам. Например, если речь идет о паше, вымогательства и оскорбления которого приводят в дурное настроение какого-нибудь человеколюбивого дипломата, то филантропу, просящему о смещении этого должностного лица как недостойного доверия назначавшего его правительства, отвечают, что желание его исполнено и что татарин¹⁶, которому поручено доставить соответствующий приказ, уже садится на коня. Действительно, посланный не задерживается. Но чаще всего он приносит паше весть о его переводе в другую провинцию, иной раз более значительную или более доходную. Так, когда византийские дипломаты узнали о притеснениях, творимых Ведхи-пашой в его эрзурумском пашалыке, они не преминули потребовать его увольнения. Таковое не заставило себя ждать, но оно отнюдь не оказалось наказанием, так как Ведхи-пашу немедленно назначили на такую же должность в Салоники, которую он занимает и поныне. Заменивший же его в Эрзуруме Ариф-паша применяет систему предшественника в еще более широком масштабе.

Таким образом, после того как европейские державы отказались от права добиваться в принудительном порядке осуществления взятых на себя обязательств, они стали играть весьма скромную роль наблюдателей, безобидных по существу, но воинственных на словах. Исполнение этой роли они стараются подкрепить соблюдением известного престижа, окутывают его какой-то таинственностью, делая вид, будто принимают всерьез благосклонную предупредительность турецких министров. Часто это приводит последних в веселое настроение, как тех прорицателей древности, которые, встречаясь без свидетелей, посмеивались над людской доверчивостью.

Впрочем, громко провозглашая независимость и автономию Турции и беря на себя торжественное обязательство относиться к ней как к равной, отдавали ли себе

¹⁶ Посыльный, нарочный. — Прим. перев.

полный отчет христианские державы в том, каким образом они будут соблюдать это равенство? Не противоречат ли они самим себе, провозгласив эту независимость и оставив при этом Османскую империю отягощенной унижительными цепями капитуляций, которые не только освобождают иностранных подданных от подчинения местной юрисдикции, но и позволяют представителям европейских держав распространять эти привилегии на подданных самой Турции? Любопытно, находящийся на службе у мелкого консульского агента, гордо драпируется в национальные цвета своего хозяина и при помощи наглого, а иногда и смехотворного маскарада дерзает проявлять полное неуважение к законному авторитету своего государя.

Правда, европейские державы справедливо замечают, что капитуляции являются для них ценными гарантиями, которых они не могут лишиться своих подданных, так как не доверяют беспристрастию и справедливости турецких судов. Но в таком случае можно ли считать равноправной с ними державу, от которой без взаимности требуют унижительных гарантий или которую обязывают ввозить их товары с пошлиной всего в 5%, предоставляя ей право возмещать убытки за счет своих подданных с помощью прежней экспортной пошлины в 12%? Или является ли она равноправной, когда Вы находите необходимым наводить порядок при помощи пушек в ее собственных провинциях, как это имело место в Джедде?

Из сказанного следует, что равноправие и независимость, предоставленные Турции, являются лишь пустым звуком, не принимаемым всерьез во всей Европе. Но в таком случае, до каких пор будет разыгрываться эта бесчестная и разорительная комедия? Это покажет нам будущее, но я тем не менее склонен обсуждать эту тему и уже касался ее два года назад в изданной в Брюсселе брошюре «Прочен ли Парижский мир?». Эту брошюру я предусмотрительно не выпустил под своим именем, так как высказывал в ней мысли, диаметрально противоположные общепринятым в то время. Я сам не знал, насколько мои предсказания смогут осуществиться. Теперь же, когда ряд событий подтвердил правильность моих предположений, я вспомнил эти строки, забытые мной совершенно, как, впрочем, и теми, кому довелось их прочитать. Что касается меня, то я написал бы их и сегодня, если бы мне пришлось вернуться к этой теме.

Письмо пятнадцатое

Сира, 18 октября

Наконец, в Константинополе я сел на пароход и направился в Триест. До самого Парижа я доверился волшебной власти пара, который взялся перенести меня менее чем за десять дней через всю Европу, с востока на запад, из столицы Османской империи в столицу французской, с берегов Босфора на берега Сены. Этот фокус может удивить даже наши пресыщенные народы Запада, которые, привыкнув к беспокойной и активной жизни, сделались почти равнодушными к столь чудесной быстроте передвижения. Зато никто не может ощутить всю его прелесть, как тот, кто внезапно сменил палатку или коня на пароходную каюту или вагон железной дороги. Оторванный от созерцательной и вольной жизни Востока, где ничто не нарушает торжественного и великого покоя природы, странник оглушен здесь тысячьо голосов пылающих топок, колес, вертящихся по бокам его подвижной тюрьмы и уносящих ее, как мечту, по безбрежным водным просторам.

Хотя и преклоняюсь перед чудесами цивилизации, я стоял печальный и приунывший на палубе великолепно-го австрийского парохода «Юпитер» и очень обрадовался, когда мы вошли в порт Сиры за углем, а также для того, чтобы погрузить и выгрузить товары, на что требуется не менее четырех-пяти часов. Излишне говорить, что я посвятил часть времени знакомству с городом и проделал это с пылом и ловкостью узника, выпущенного, наконец, на свободу. Я закончил прогулку задолго до сигнала к отплытию и, сидя на пляже, смог еще написать Вам несколько строк.

Город Сира представляет собой очень любопытное явление. Примерно за 30 лет он вырос как по волшебству на склонах крутых и засушливых скал. В 1827 г., когда Сира принадлежала Турции, там было всего несколько жалких лачуг, населенных бедными рыбаками или смелыми пиратами. Однако с тех пор как этот каменистый островок возвращен христианству и свободе, на его рейде развилась бойкая торговля. Богатый, густо населенный город, совершенно европейского вида, возник вокруг про-

сторной бухты, постоянно посещаемой пароходами почти всех стран Европы и Востока. Так, три десятилетия свободы могли оплодотворить и оживить все то, что века турецкого режима обрекли на смерть или опустошение. Вот одно из живых и неопровержимых доказательств разрушительного принципа, положенного в основу турецкого господства и тяготеющего около пяти веков над более чем 30 млн. людей, прозябающих в прекрасных и плодородных странах мира.

Из всего, что я писал Вам в предыдущих письмах, Вы легко заключите, будет ли этот смертоносный принцип когда-нибудь заменен другим, жизненным принципом или же реформа является для Турции, как и для других государств Европы, всего лишь вопросом времени. Защитники Турции отвечают положительно на оба вопроса. В связи с первым вопросом они указывают на постановления основных законов — Гюльханейского и Хатти хумаюна, несомненно весьма либеральных, если только напечатанное следует считать выполненным или выполненным. Но мы уже видели, что из себя представляет эта смелая и наивная гипотеза. По поводу второго вопроса они заявляют, что в суждениях о судьбах Турции следует пользоваться той же системой мер и весов, как и для прочих стран, и, следовательно, не требовать от нее большего прогресса, чем добились другие в равный отрезок времени. Однако они забывают, что прошлое и настоящее состояние Турции так исключительно своеобразны, так резко отличаются от исторического развития других народов Европы, что ставить на весы столь разнородные элементы нельзя. Перед лицом беспристрастного суда требования должны соразмеряться со степенью задолженности, а не с платежеспособностью должника. Продеркав пять веков подряд в самом ужасающем варварстве замечательную часть человечества, Турция оказалась в долгу перед ним как ни одна другая страна.

Кроме того, со времени взятия Константинополя и до наших дней Турция постоянно была для Европы причиной кровопролития, расходов и различных затруднений. За долгий период христианским государствам приходилось то обороняться против Османской империи, то защищать ее от мнимых или действительных врагов. Когда же после 500 лет бесплодного ожидания Европа просит ее вступить, наконец, на путь, совместимый с всеобщим миром,

Турция заявляет в ответ: «Дайте мне время и не предъявляйте мне больших требований, чем любой другой стране». В таком случае пусть Турция поступит по крайней мере так же, как те государства, которые никогда никого не затрудняли и всегда жили своей особой жизнью. Что касается Турции, то Европа вынуждена издавна нести расходы по воспитанию этого старого ребенка без надежды когда-либо вернуть свой огромный и непроизводительный аванс.

Однако колокол зовет меня снова в мою тюрьму, дым поднимается черными столбами над пароходом, и колеса начинают нетерпеливо вращаться. Я вновь несусь на судне по морским волнам. В Триесте пересажу из каюты в вагон, который через четыре дня доставит меня в Париж. Там, после семи месяцев бродячей жизни, я смогу сосредоточиться и посвятить зимнее время изучению большого количества материалов, собранных в экспедиции этого года.

Я говорю — «зимнее время» не потому, что этих нескольких месяцев будет достаточно для завершения моего труда. Я уверен лишь в том, что буду сидеть на месте только до тех пор, пока природа будет находиться под зимним покровом. Однако первые же лучи весеннего солнца могут растопить все мои проекты об оседлой жизни и властно увлечь меня на Восток. Поэтому я и не решаюсь утверждать заранее, что будущим летом не отвечу утвердительно на такое приглашение. Это может послужить Вам доказательством, что хотя я как будто говорю много дурного о Турции, я не могу обойтись без нее. Любя ее меньше, я, быть может, был бы к ней более снисходительным. Впрочем, я сужу так строго, как философ: художник и поэт говорили бы о ней по-другому.

Действительно, наша современная цивилизация лишилась бы Востока, его неотразимой привлекательности и заменила бы волшебство воспоминаний прозаической действительностью. Разум восторжествовал бы в ущерб воображению. Железные дороги, дилижансы, жандармы и солдаты в треуголках и киверах, гостиницы с их табльдотами, туристами и коммивояжерами, шоссейные дороги и т. п. заняли бы место извилистых и диких троп, лагерей под открытым небом, черных палаток туркмен и курдов, караванов с вереницей верблюдов, всадников в фантастических костюмах, белые чалмы и оружие которых пере-

ливаются на солнце издали. Словом, все сцены патриархальной жизни сохранились бы лишь на неподражаемых страницах Библии. Нечего и говорить, что эти превращения обрадовали бы философа, но сильно огорчили поэта, который увидел бы в них одну профанацию и пожалел бы о прошлом.

Должен сознаться, что бывают минуты, когда я затрудняюсь в выборе между философом и поэтом. Даже в нашей цивилизованной Европе мне часто приходилось вспоминать о временах варварства, мечтать о сохранении нетронутыми хотя бы нескольких уголков для пылких представителей поэтов, вопреки негодованию философов. Так, подобно последним, признавая необходимость открыть для современной цивилизации древний теократический пантеон нашего Рима, я, быть может, первым пожалел бы о вековом престиже папского двора, так же как и о церемониях и процессиях, которые вследствие своего полужызыкального характера напоминают символические торжества древности. Они так прекрасно гармонируют с величием бессмертных строений, где чисто мирские мотивы еще не вполне заглушены мощными аккордами слова Христа. Когда это творчество с его поэзией будет заменено простой и строгой архитектурой храма свободы и цивилизации, философ, несомненно, преклонит колена с благоговением, но поэт будет скорбеть о единственном убежище, сохранившемся в христианском мире как напоминание о Греции и Риме, укрывавших его под покровом религии, чтобы противостоять холодному рационализму.

Во всяком случае опасения поэта не скоро осуществятся на Востоке, и нам, конечно, никогда не придется упрекать Турцию в утрате живописного варварства. Это, однако, не мешает мне и в будущем изучать ее как ученому, порицать иногда как философу, и всегда любить как художнику.

БИБЛИОГРАФИЯ
ТРУДОВ П. А. ЧИХАЧЕВА О ТУРЦИИ

- «Sur le gisement de l'émeri dans l'Asie Mineure». — «Comptes rendus» (Paris), 1848, vol. XXVI.
 «Notice of researches in Asia Minor». — «Quarterly journal Geological Society» (London), 1849, V.
 «Sur les dépôts sédimentaires de l'Asie Mineure». — «Bulletin de la Société Géologique de France», Paris, VII, 1849—50.
 «Военно-статистические сведения о Турецкой империи». — «Военный журнал», 1850, № 1.
 «Военно-статистические сведения о Турецкой империи». — «Закавказский вестник», 1850, № 21.
 «L'Asie Mineure et l'Empire Ottoman», Paris, 1850.
 «L'état actuel et richesses naturelles de l'Asie Mineure». — «Revue des deux Mondes», 15.V.1850.
 «Situation politique, militaire et financière de la Turquie» — «Revue des deux Mondes», 1.VI.1850.
 «Dépôts nummulitiques et diluviens de la presqu'île de Thrace». — «Bulletin de la Société Géologique de France», VIII, 1850—51.
 «Mémoire sur les terrains jurassique, crétacé et nummulitiques de la Bithynie, la Galatie et la de Paphlagonie». — «Bulletin de la Société Géologique de France», VIII, 1850—51.
 «Terrain à Nummulites de la partie septentrionale de l'Asie Mineure». — «Bulletin de la Société Géologique de France», VIII, 1851.
 «Note sur la météorologie de Constantinople». — «Comptes rendus», 1851, vol. XXXII.
 «Note sur la météorologie de Trébisonde et de la Kaisaria». — «Comptes rendus», 1851, vol. XXXII.
 «Asie Mineure, description physique, statistique et archéologique, de cette contrée par P. de Tchihatchef», part I—Géographie physique comparé, Paris, 1853.
 «Военная сила Турции». — «Кавказ», 1853, № 45, 46.
 «Asie Mineure» — «Atlas», Paris, 1853.
 «Observations faites pendant un voyage dans l'Asie Mineure, durant l'été de 1853». — «Comptes rendus», 1853, vol. XXXVII.
 «Sur les dépôts tertiaires et diluviens d'une partie de la Cilicie Trachée de la Cilicie Champêtre et de la Cappadoce». — «Bulletin de la Société Géologique de France», XI, 1853—54.

- «Dépôts tertiaires du midi de la Carie et d'une partie septentrionale de la Pisidie». — «Bulletin de la Société Géologique de France», XI, 1853—54.
 «Dépôts paléozoïques de la Cappadoce et du Bosphore». — «Bulletin de la Société Géologique de France», XI, 1853—54.
 «Note sur la végétation du mont Agrée, Cappadoce». — «Comptes rendus», 1854, vol. XXXVIII.
 «Considération sur les terrains paléozoïques de l'Asie Mineure». — «Comptes rendus», 1854, vol. XXXVIII.
 «Dépôts miocènes de l'Asie Mineure». — «Comptes rendus», 1854, vol. XXXVIII.
 «Lettre sur les antiquités de l'Asie Mineure adressée à M. Mohl». — «Journal Asiatique» (Paris), 1854, vol. IV.
 «Considérations historiques sur les phénomènes de la congélation constaté dans la Mer Noire». — «Annuaire de la Société Météorologique de France», 1855, vol. 3.
 «Памятники древности в Малой Азии». — «Труды Восточного отделения Императорского археологического общества», СПб., 1856, ч. II.
 «La paix de Paris est-elle une paix solide? Par un ancien diplomate», Bruxelles, 1856.
 «Asie Mineure», part II — Climatologie et zoologie, Paris, 1856.
 «Памятники древности в Малой Азии». — «Записки Императорского археологического общества», 1857, т. IX.
 «Considérations sur les dépôts houillers du littoral méridional de la Mer Noire». — «Comptes rendus», 1857, vol. XLIV.
 «Etudes sur la végétation des hautes montagnes de l'Asie Mineure et de l'Arménie». — «Comptes rendus», 1857, vol. XLV.
 «Месторождение квасцов в окрестностях города Шабхана Карагиссара в Малой Азии». — «Горный журнал», 1858, ч. IV.
 «Sur l'orographie et la constitution géologique de quelques parties de l'Asie Mineure». — «Comptes rendus», 1858, vol. XLVII.
 «Sur l'orographie et la constitution de quelques parties de l'Asie Mineure et de l'Arménie». — «Comptes rendus», XLVII, 1858.
 «Exploration de l'Asie Mineure». — «Comptes rendus», 1858, vol. XLVII.
 «Бин-гхельдаг или Гора с тысячами озер». — «Горный журнал», 1859, ч. 1.
 «Lettres sur la Turquie par M. P. de Tchihatchef», Bruxelles — Paris, 1859.
 «La paix de Zurich et le nouveau congrès européen», Paris — Bruxelles, 1859.
 «Italie et Turquie», Paris, 1859.
 «Itinerar der Klein-Asiatischen Reise P. v. Tchihatchef im Jahre (1858)», 1859, Bd VI.
 «Reisen und Forschungen in Klein-Asien, 1848 bis 1858», Berlin, 1860.
 «Nouvelle phase de la question d'Orient», Paris, 1860.
 «Une lettre adressée à l'Académie des Sciences par M. P. de Tchihatchef accomp. l'envoi de son ouvrage „l'Asie Mineure“. part II — Botanique», — «Comptes rendus», 1860, vol. II.
 «Asie Mineure», part III, Botanique, Paris, 1860.
 «La Turquie Mirès», Paris, 1861.

- «Note sur deux nouveaux genres de bois fossile recueillis dans les environs de Constantinople». — «Comptes rendus», 1863, vol. LVI.
- «Le Bosphore et Constantinople avec perspectives des pays limitrophes», Paris, 1864.
- «Une lettre adressée à l'Académie des Sciences de P. de Tchihatchef accomp. l'envoi de son ouvrage „Le Bosphore et Constantinople“». — «Comptes rendus», 1864, vol. LIX.
- «Asie Mineure. Description physique de cette contrée par P. de Tchihatchef. — Paléontologie. — Par A. d'Archiac, P. Fischer et E. de Verneuil. Ouvrage accompagné d'un Atlas grand in 4°», Paris, 1866.
- «Asie Mineure» — «Atlas», Paris, 1866.
- «Le Bosphore et Constantinople», Paris, 1866.
- «Asie Mineure. Description de cette contrée par P. Tchihatchef», part IV — Géologie., Paris, 1867.
- «Considérations générales sur les roches éruptives de l'Asie Mineure». — «Comptes rendus», 1867, vol. LXIV.
- «Reisen in Kleinasien und Armenien, 1847—1863», Berlin, 1867.
- «Une page sur l'Orient», Paris, 1868.
- «Asie Mineure. Géographie physique, climat, végétation, espèces d'animaux, constitution géologique, considérations politiques», Paris, 1868; 2 ed., 1877.
- «Asie Mineure. Description physique de cette contrée, part IV — Géologie II—III, Paris, 1869.
- «Note accompagnée la présentation des deux derniers volumes de géologie de l'Asie Mineure». — «Comptes rendus», vol. LXVIII, 1869.
- «Note sur la paléontologie de l'Asie Mineure et sur une introduction à la nouvelle édition de l'Asie Centrale (1869)». — «Comptes rendus», 1873, vol. LXXXVI.
- «Путешествие по Малой Азии в 1858 г.», Тифлис, 1876.
- «Asie Mineure», Paris, 1877.
- «Le traité de Berlin», Paris, 1879.
- «Klein-Asien», Bd 64, Leipzig, 1887.

ИМЕННОЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абдул Меджид — 24
 Австрия — 50, 53, 69
 Адана — 41
 Азия — 27, 28
 Айвазлы — 59
 Альпы — 19
 Амаься — 16, 41, 49, 50, 57, 64, 65, 72
 Англия — 30, 43, 50, 52, 69, 71
 Ариф-паша — 74
 Армения — 15, 19, 22, 28, 64
 Архипелаг — 59
 Ахалцихе — 55
 Ахмет — 23
- Балтийское море — 54
 Батуми — 48
 Башладелар — 55
 Баязид — 29
 Бингёльдаг — 33, 36, 39
 Бозок — 63
 Босфор — 63, 76
 Брант — 62
 Брюссель — 76
- Ведхи-паша — 62, 74
 Великая Греция — 24
 Виабут — 29
- Галата — 44
 Геньк — 29
 Георгий — 23
 Гиресун — 15, 17, 18, 21—24, 41, 52, 59
 Греция — 79
 Гуарасино — 41
 Гуссейн — 36
- Гхизким — 29
 Гюмошане — 22, 23, 25, 27
- Джаник — 67, 68
 Джебде — 75
 Джурджукдаг — 36
 Дизраэли — 43
 Долмабахче — 44
 Дуджик — 33
 Динай — 52, 53
- Европа — 17, 28, 30, 31, 37, 40—44, 51, 56, 57, 61, 75—78
 Евфрат — 22, 25, 27, 32, 33, 35, 38, 73
 Египет — 63
 Ешил-ырмак — 16
- Жаба — 36, 37
- Ибрагим — 63
 Измит — 48
 Инеболу — 51
 Ирис — 16
 Испания — 52
 Испир — 29
- Иозгат — 64
- Кавказ — 71, 72
 Каймакам — 25
 Кайсери — 64
 Калабрия — 24
 Кардуши — 27, 34, 37
 Карс — 29
 Каспийское море — 54

Катандзаро — 24
Кашмир — 30
Керман — 30
Киликия — 48
Киперт — 19, 22
Козенцы — 24
Конжугас — 52
Конья — 41
Константинополь — 15—17, 28,
30, 31, 41, 42, 45—48, 51,
53—57, 59—63, 65, 66, 68,
69, 72—74, 76, 77
Кром — 23
Крым — 25
Ксенофонт — 27, 37
Кузулчан — 29
Курдистан — 28, 36
Куту — 72
Кыгхи — 29
Кызылбаши — 40
Кыныс — 29
Кючюкдере — 55

Лахор — 30
Левант — 48

Малая Азия — 15, 18, 24, 41,
48, 49, 55, 64, 67
Мамахатун — 36
Махмуд — 44, 67—69
Марнам — 64
Мерсин — 48
Мухаммед Али — 63
Муш — 29, 39, 40

Нео Кесария — 16
Нефси Эрзурум — 29
Никсар — 16

Одесса — 52
Олти — 29
Орду — 52
Осман-паша — 68, 71
Османская империя — 24, 27,
28, 31, 41—43, 49, 51, 55,
65, 71, 73, 75, 76

Париадрес — 19, 22
Париж — 15, 21, 41, 42, 76,
78
Пасын-Суфла — 29
Пасын-Ухия — 29
Персия — 30, 31
Петр — 23

Полини — 49
Полемоннакус — 16
Понт — 15, 16, 19
Понт Эвксинский — 15, 52—54
Порта — 58, 60, 69, 74
Портениос — 25
Поти — 31

Решид-паша — 68
Рим — 21, 24, 79
Россия — 37, 53—54, 63, 69,
71, 72

Салоники — 62, 74.
Самсун — 16—18, 41, 42, 49,
52, 54, 67—68
Сарыкая — 35
Севастополь — 54
Селим — 23
Сена — 76
Сенан — 39
Сивас — 16, 64
Силван Диарбекир — 38
Симон — 23
Сира — 76
Сирия — 63
Сиякмед — 37—40
Софья — 25
Сулейман — 24, 25
Сулуовасы — 49

Таганрог — 52
Тарсус — 41, 48
Терджан — 29
Тимур-паша Милли — 38, 39
Тиреболу — 22, 23
Тифлис — 25, 31
Токат — 16, 41, 57, 65
Тортум — 29, 30
Трабзон — 15, 17, 22, 23, 31,
51—53, 71
Триест — 42, 76, 78
Турнефор — 29
Турция — 16, 28, 31, 42—47,
50, 51, 53, 57—59, 65, 66,
71, 73—79

Фатима — 25
Франция — 30, 37, 50, 52,
53, 76

Халиль-бей — 64, 65
Хайреги-паша — 65

Хелат — 39
Хорасан — 30

Уния — 65

Центральная Азия — 31

Чараган — 44
Чейран — 29
Черное море — 15, 51—54

Шабхане-Карахисар — 16—19,
22
Шемси — 37—39

Эрегли — 50
Эрзинджан — 27, 29, 32—35,
37, 38, 41, 57
Эрзурум — 22, 25, 27—36,
41, 62, 74

Яя-бей — 64

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Письма о Турции	15
Библиография трудов П. А. Чихачева о Турции	80
Именной и географический указатель	83

П. А. Чихачев

ПИСЬМА О ТУРЦИИ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

*

Редакторы издательства *Н. Т. Божко, М. А. Гасратян*
Художник *Ю. Л. Глезаров*
Технический редактор *Р. А. Негримовская*
Корректоры *Г. В. Афонина и М. З. Шафранская*

*

Сдано в набор 22/II 1960 г.
Подписано к печати 31/III 1960 г.
Т=03185 Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 2,75
Усл. п. л. 4,51 Уч.-изд. л. 4,65
Тираж 4400 экз. Зак. 485
Цена 3 руб.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы
Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4